

Елизавета Шумская

Сказ о ведьме Буяне

У каждого сказочного города должна быть своя ведьма. Зареславе досталась Буяна.

Елизавета Шумская
Сказ о ведьме Буяне

«Автор»

2007

Шумская Е.

Сказ о ведьме Буяне / Е. Шумская — «Автор», 2007

Тихо живет сказочное княжество. Все в нем ладно и хорошо. Князь правит, ведьма колдует, княжна женихов перебирает, кот сливки ворует, домовый его лаптем по горнице гоняет. И все же... слишком тихо. Даже ветра куда-то делись. Возможно ли такое – чтобы совсем без ветров? Конечно же нет. Увели коней Стрибога. И тут же посыпались на славный город Зареславу неприятности. Неизвестные княжну похитили. Волхв пропал. Княжич и варлок их искать отправились. Мечется в волнении по терему князь. Проклинает всех ведьма в своей светлице. Кто спасет их от божьего гнева? Кто остановит стихии, с привязи сорвавшиеся?

© Шумская Е., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елизавета Шумская

Сказ о ведьме Буяне

Часть первая

СКАЗКА О ЧУЖАКАХ

– Ведьма! Ведьма!! Ведьма!!!

Крики с улицы заставили Буяну досадливо поморщиться и перевернуться на другой бок. Голова после вчерашней попойки трещала нещадно.

– Ведьма!! Ведьма!!! Ведьма!!!!

Вопли повторились на тон выше. Колдунья задумалась, что лучше: натянуть на голову одеяло или превратить незваного гостя в жабу. Второй вариант требовал больших усилий: для начала хотя бы подняться, потом выглянуть в окно и... Брр! Нет, на такое самопожертвование Буяна была с утра неспособна.

– Ведьма!!!! Ведьма!!!!!! Ведьма!!!!!!!

Хотя...

– Буяна, подруга моя милая, ответь ты этому дураку оглашенному! – раздался из зеркала¹ измученный голос Миланы, знахарки и нареченной сестры колдуньи. Гуляли вчера вместе, так что страдания в голосе были до боли – в буквальном смысле – близки и понятны.

– Ни шиша твое зелье не действует! – рыкнула ведьма в зеркало, висящее на противоположной стене. То ничего не отражало, – очевидно, у Миланы тоже не было сил до него дойти. – Обещала же, что похмелья не будет!

– С мандрагоровым корнем переборщила, – посетовала знахарка.

– Ведьма!!!!!! Ведьма!!!!!!! Ведьма!!!!!!!

– Ой, не могу больше! – застонало зеркальце. – Узнай же, отчего этот баран громогласный спать добрым людям не дает!

Милана жила в доме прямо напротив Буяны, так что шума на ее долю доставалось не меньше. А поскольку близко к воротам терема ведьмы подходить никто не решался (из-за зловонного коровьего черепа, который кроме страшных, светящихся зеленым глаз обладал еще привычкой плевать в особо назойливых посетителей), – то и больше.

Игнорировать просьбу названной сестры Буяна не могла, да и, судя по настойчивости орущего, уходить он не собирался, пока не добьется хоть какой-то реакции хозяйки.

«Все, никаких больше новых зелий из рук Миланы. Пусть на ком-нибудь другом опробует!».

Ведьма добрела до окна и, высунувшись по пояс, зарычала, усилив голос заклинанием. Обычно делать ей этого не требовалось – голосок у нее и так был неслабый, но сегодня даже мысль о крике казалась невыносимой.

– Чего надо?! – И потом, вспомнив слова знахарки, добавила: – Ты чего спать добрым людям не даешь?!

---

¹ Общение через зеркала – недавнее изобретение. Для ведьм, чародеев, волхвов, знахарей оно стало истинным спасением, ведь кроме бытового удобства: сплетню там шепнуть или рецептиком зелья приворотного поделиться, – используя это чудесное заклинание, можно предупредить о появлении врагов клятых или рассказать о лечении, если сам добратся до больного не можешь. Опять же о шабаше по зеркалам сообщают, да на Совет Чародейский созывают. При определенном уровне мастерства можно не только видеть и слышать собеседника, но и показывать окружающее (например, больного в комнате или новые сапоги-скороходы). Существует теория, что достаточно сильный чародей может заставить «говорить и показывать» и зеркальце у человека, магически НЕ одаренного, но пока ни единого такого случая неизвестно.

Мужичок, судя по одежке княжий человек, наконец определил, откуда идет звук, и показался из-за забора. Вид у него был растерянный и чуточку испуганный.

– Так это ж... полудень ужо.

Ведьма с трудом переварила информацию. «Да, славно мы вчера погуляли...»

– Так чего надобно?!

Мужичок приободрился:

– Князюшка наш тебя, добрая хозяйка, зовет.

«Добрая хозяйка... хм...»

Буяна снова задумалась.

– Ну заходи, – махнула она рукой, отчего калитка, над которой, собственно, и висел злобно ухмыляющийся Череп, распахнулась.

Сама же девушка подошла к зеркалу. То отразило опухшую, помятую, заспанную физиономию со включенными черными волосами и тоской во взгляде.

– Да-а, – ехидно протянуло зеркальце, – знатно ты, хозяйка, вчера повеселилась.

– Молчи уж! – прикрикнула на нахалку ведьма. – Будут тут мне всякие!..

С трудом облачившись в домашнее платье, Буяна пошлепала в свой «колдовской покой». Так называлась комната, полностью отданная под дела волшебные: зелье там сварить, на воде или зеркале погадать, оберег какой заговорить, да мало ли что. Прищурившись, колдунья начала рассматривать ровные рядочки скляночек-горшочков с различного цвета жидкостями. Именно в этот момент в соседней светлице раздалось тихое «Блямс!», которым всегда сопровождалось мгновенное перемещение, для удобства прозываемое «колодцем»² (Буяна когда-то выменяла это заклинание у чародея заморского на шабаше по обмену опытом³), и в комнату ввалилась Милана Светозаровна. Выглядела знахарка до противного свежо. Ведьма бросила на нее хмурый взгляд.

– Так и знала, что ты здесь! – непонятно чему обрадовалась светловолосая красавица, демонстративно игнорируя плохое настроение хозяйки. – Держи!

Буяна подозрительно уставилась на протянутый пузырек, не спеша брать его из рук сестрицы названной. Улыбка Миланы поуявля.

– Да что ты, Буяна, ладное зелье! На себе испробовала! А только что еще хуже, чем ты, выглядела!

Ведьме захотелось зарычать. С трудом сдержавшись, она подняла руки к лицу, напрягла ладони. В следующее мгновение неведомая сила закружила ее с бешеной скоростью вокруг своей оси. Когда у знахарки уже зарябило в глазах, сумасшедшее вращение прекратилось, а перед девушкой стояла Буяна в совершенно нормальном образе – с симпатичным личиком, блеском в глазах, зеленых, раскосых, расчесанными волосами и вообще общим порядком в облике и одежде. Преображенная, она твердым шагом направилась к полке с бутылочками и сняла с нее маленький глиняный пузырек без подписи. Запрокинув голову, колдунья глотнула зелья, фыркнула и прохрипела (вкус у снадобья был тот еще, знахарка по себе знала):

– Пошли, меня гонец от князя внизу заждался уже.

Девушки по деревянной резной лестнице начали спускаться в горницу. На печке возился здоровенный черный кот, при виде хозяйки сразу принявший такой невинный вид, что та тут

---

² Мгновенное перемещение, по-заморскому «телепортация», называется «колодцем» по ощущениям, которыми сопровождается, – легишь быстро, вокруг темно да холодно и только одна мысль: «Ой-е!!!»

³ Всякая уважающая себя ведьма старается как можно чаще летать на шабашах по обмену опытом. Если обычные шабаша, как правило устраиваемые в пятницу на Лысой горе, посвящены текущим событиям и быто-магическим вопросам, то на шабашах в полнолуния и на равноденствия обмениваются заклинаниями, рецептами зелий и эликсиров, продаются вещицы волшебные, представляются достижения мысли мага-научной. Разумеется, подобные шабаша стараются проводить не на местном уровне, а между княжествами. Есть и международные шабаша. На них слетаются ведьмы и колдуны из самых разных стран: и узкоглазые, и темнокожие, и с собачьими головами, и с четырьмя руками, и с рогами, и вообще на людей мало похожие. Вот уж где торговля и обмен.

же начала оглядываться в поисках натворенных им безобразий. «Опять до сливок добрался! – чуточку обреченно подумала ведьма. – Ну щас я тебе!»

– Хозяйка! Хозяйка!! – запрыгало что-то внизу.

– А, Веденя! – улыбнулась она своему домовому-умнице. – Что ты такой злой? Опять Кузьма сливки слопал?

– Нет, – обиженно пропыхтело «избяное счастье», поправляя белую вышитую рубаху. – Сметану.

Война между домовым и на редкость прожорливым котом шла постоянно и с переменным успехом.

– Кузьма! – рывкнула ведьма.

Кот в мгновение ока укрылся за печкой. Но в следующее мгновение, за шкуру влекомый волшебной, вылетел оттуда, отчаянно мяуча на весь дом. Зависнув в паре локтей от лица хозяйки, он забултыхался, извиваясь, будто хотел оцарапать невидимую руку.

– Что скажешь в свое оправдание?!

– Что, я одними мышами питаться должен?!

– Ты сколько сливок и сметаны в эту седмицу выжрал?! Ты скоро в дверь не пролезешь!

– Мало! Я же не обычный кот! А чародейский! Говорящий! Мне сметана для умственной активности нужна!

– Чему там активному у тебя-то быть?! – запищал снизу домовый.

– Кузьма, не зли меня! Мы с тобой сколько раз уже говорили об этом?! Я тебе что в последний раз сказала?! Посмотри на себя – в тебе сала больше, чем в ином поросе!

– Я что, виноват, что у вас свиньи такие тощие?!

Разборка могла затянуться надолго – а именно так, как правило, и происходило, – если бы внизу лестницы не появилась любопытная физиономия гонца. Пообещав Кузьме все мыслимые и немыслимые беды на его черную дурную голову, если еще что-нибудь сопрет, Буяна наконец ступила в горницу.

Отвесив друг другу положенные поклоны, все уселись за стол, на котором расторопный Веденя тут же организовал пыхтящий самовар да поставил расписное блюдо с плюшками, попеняв хозяйке, что опять всухомятку питается.

Мужичок, в первый раз оказавшийся в ее доме, смотрел на все это с открытым ртом.

Попотчевав гонца душистым чаем да свежей сдобой, Буяна решила, что приличия соблюдены, и начала серьезный разговор:

– Так поведай мне, мил-человек, зачем тебя князь ко мне послал.

– К себе призывает, Буяна Гориславовна, – с трудом отрываясь от кулинарных шедевров Ведени, проговорил гонец. – Так мне и сказал: «Бери, говорит, Рогня, коней моих лучших, езжай да привези ко мне Буяну Гориславовну и Милану-знахарку».

– А чего ж ты тогда в мои ворота не стучал, а, Рогня? – опешила травница.

– Так ведь ты, Милана Светозаровна, здесь была.

– А ты-то откуда знаешь?

– Так князь сказал. Езжай, мол, сразу к ве... э-э, к Буяне Гориславовне. Там и Милана сыщется. После вчерашнего там она всенепременно.

– Да откуда ж князю про вчерашнее ведомо?! – возмутилась знахарка.

– Так весь город ходуном ходил. Ну горазды вы гулять! Посуда в княжьем тереме сама с полок прыгала. Собаки лаем всю ночь заливались. Дружинники на стенах от воплей подскакивали.

Девушки переглянулись и пригорюнились.

– Да вы не печальтесь так. Князюшка с утра и не злой вовсе.

– А чего к себе зовет? – поинтересовалась ведьма, надеясь, что, может, все-таки не для выволочки. Князь мелочным никогда не был, а хорошую гулянку уважал, да и сам не брезговал.

– Да откуда ж мне княжки помыслы высокие ведать-то? – прочавкал мужичок, запихивая в себя то ли шестую, то ли седьмую плюшку.

Ведьмочка подлила ему чаю и медовым голосом заметила:

– Может, необычное что за ночь да утро случилось? Али заболел кто, не приведи боги?

– Нет, слава богам, болезни нас минули, – шумно отхлебывая из кружки, ответил гонец. – А необычное... да нет вроде. Хотя что я, было. Варлок⁴ к князю приехал. Говорят, из самого Белогграда...

Князь смотрел на варлока, стараясь понять, что тот собой представляет. Одет был чародей по-дорожному, разве что пыли на одежде не было да кафтан на более нарядный сменил. Но было видно, что маг умеет носить вещи и подороже. Насколько князь знал, достатком варлок Лихослав мог посоперничать с иным боярином. Не за спасибо работал. Возможно, именно этот достаток и давал ему ту уверенность, с какой он стоял теперь перед ним. А может, просто осознание собственной силы, а ее у чародея было достаточно, чтобы раскатать терем княжий по бревнышку. Нет, до смертоубийства, скорее всего, и не дошло бы – как-никак старый волхв начеку, но терем пришлось бы отстраивать заново. Поэтому Ладимира Мечеславовича очень порадовало то, как волшебник держал себя: не было в нем дурной надменности, вызова всем и каждому, однако было достоинство, простое и вызывающее уважение. Князь умел ценить сильных людей.

Сейчас, держа в руках свиток, что с поклоном передал ему чародей, и поверх него украдкой разглядывая посетителя, князь мысленно прикидывал, как бы сделать так, чтобы Лихослав остался в его землях. Такие люди Ладимиру Мечеславовичу были нужны.

– Что за варлок? – аж подалась вперед от любопытства Милана.

– Варлок. Имени не знаю. – Мужичонка, осмелев, полез за очередной плюшкой. Если так пойдет и дальше, рачительного Веденю хватит удар.

– Ну а каков он?

– Каков... – Гонец задумался. – Высокий такой, здоровый. Волосы русые, длинные, в косу сзади заплетены. Борода, правда, маленькая. Ну совсем. И пальца в длину не будет, скорее, просто лицо обрамляет. Ничего такой варлок. Одет добротнo, но видно, что с дороги. Солидный. К такому лишний раз не сунешься.

Поняв, что больше с гонца ничего не выпытать – мужики, что с них возьмешь? – девушки засобирались. Поменяли наряды на более подходящие к случаю, навели красоту и отправились в княжий терем.

Ладимир отпустил верхний край свитка. Тот тут же свернулся в трубочку.

– Ну что ж, все очень ясно изложено. Препятствий чинить не стану. Более того – помогу чем смогу. Для начала познакомлю кое с кем. Думаю, сработаетесь.

Намек был ясен. Что ж, иного варлок и не ожидал. Сведения – меньшая из плат, что мог потребовать голова земель здешних.

Доложили о прибытии Буяны и Миланы. При виде девушек князь в очередной раз пожалел, что не моложе лет этак на двадцать – он бы тогда уж точно не упустил ни одну, ни дру-

---

⁴ В чародейской или, правильнее, магической братии принято различать волхвов, ведьм и варлоков. Волхвы больше с богами общаются, с Природой-Матушкой договариваются, эпидемии или какую другую большую беду предотвращают. Ведьмы (колдуны) помельче делами занимаются: порчу снять, молодца приворожить/отворожить, грызунов из дома вывести, на жениха али дальнюю дорогу погадать, крышу от протекания заговорить, с домовым помирить, лешего приструнить. Варлоки (чародеи) чаще княжеской дружине помогают, в походы с ними ходят, наравне с богатырями супротив чудищ воюют, стены крепостные от вражьей ворожбы заговаривают. Знахарки (травники) в строгом смысле слова магами не считаются. Обладая очень небольшими чародейскими силами, они лечат в основном зельями, как правило состоящими из растений. Однако жизнь вносит свои коррективы, и сейчас почти все знахарки примешивают в снадобья магию.

гую. А заметив, как загорелись глаза варлока, Ладимир Мечеславович мысленно усмехнулся. Кажется, он знал, чем можно чародея удержать в своих землях.

Князь, как всегда, был сама любезность. Нравятся они ему с сестрой, с усмешкой подумала ведьма, нравятся. Впрочем, он им тоже. Буяна уже не раз думала о нем более чем положительно, но все же приходила к мысли, что неправильно это будет, неправильно. Хотя, конечно, жаль...

Но сегодня вовсе не славный князь Зареславы ведьмочку интересовал. Высокий незнакомый мужчина стоял у окна малой горницы, в которой правитель и принимал их всегда, – здесь можно было опустить многие слишком утомительные приветствия да поклоны. Пока Ладимир Мечеславович как бы невзначай лапал ее и подругу, Буяна, не скрываясь, разглядывала незнакомца. Сложением тот больше напоминал богатыря, чем чародея: тело было большое, чуточку громоздкое, руки сильные, к мечу привычные. Длинные волосы в косу заплетены, у лопаток болтаются, а вот борода не по моде была маленькая. Правильно Рогня сказал, – скорее, она подчеркивала черты лица. Зато делала это очень выгодно. Теперь так в Белограде носят? А что, в этом есть что-то.

Буяна вмиг заметила интерес к себе варлока. Он и не пытался его скрыть. Ведьма подняла черные брови и демонстративно послала заклинание, дабы проверить магический уровень кудесника. За мгновение до результата заметила, как чародей чуть усмехнулся уголками губ. В следующий миг девушку буквально обожгло его силой. Ведьма все же удержалась от вскрика. Лишь слегка наклонила голову в знак признания мастера.

Наконец князь соблаговолит оторваться от знахарки разлюбезной и занялся представлением присутствующих.

– Надеюсь, вы, девушки, поможете гостю нашему. Покажете город. Подскажете, к кому обратиться по вопросам разным. Скажи мне, Лихослав Володимирович, не боишься ли ты духов?

– Нет, – немного удивился перемене темы варлок, – как я могу их бояться, коли они большую часть моей работы составляют? Изгнать их, например, али узнать от них что.

– Вот и ладно! Заодно и на этом казна сэкономит, – обрадовался князь, подмигнув ведьмочке. – Определяю тебе, пока ты у нас живешь, в пользование дом, что по соседству с домом Буяны Гориславовны.

– Так он же с духами! – воскликнула Милана.

– Именно так, Милана Светозаровна. Потому об них варлока и спрашивал. – Князь шутливо погрозил травнице пальцем.

– Вот и разберусь с ними, – улыбнулся варлок, переглянувшись с ведьмой, справедливо заподозрив ее участие в появлении этих «духов».

– Ну и ладушки. Приходи ко мне завтра, как устроишься. Потолкуем.

На том и разошлись. Знахарку поймали на полпути два приказных дьяка и слезно умолили взглянуть на кого-то из их коллег. Милана пожала плечами, извинилась и убежала. На следующем пролете длинной лестницы на ведьму налетела одна из чернавок. Страшно перепугавшись, она затараторила, что, мол, княжна Велислава просит Буяну на минутку к ней заглянуть. Колдунья сурово сдвинула черные бровки, она уже пообещала Лихославу проводить его до нового жилища.

– Я обожду во дворе, – разрешил ее сомнения варлок, бросив на девушку полный лукавства взгляд.

Буяна не могла понять, что за леший вселился в Велиславу. Та вообще была девушкой выдержанной, не в ее привычках было вот так отрывать людей от дел. Перед светлицей княжны ведьму буквально втащили в комнату и прижали к стене.

– Кто он?! – возбужденно прошептала Велислава, сияя серыми глазищами. – Какой мужик! Видела, как он на тебя глядел?!

- Велислава! – возмутилась ведьма, отбрыкиваясь от подруги. – Что на тебя нашло?!
- Кто это?!
- У батюшки своего спроси! Жених твой приехал! К Кощею Бессмертному повезет!
- Врешь! Варлок этот из Белограда!
- Вот! А что спрашиваешь тогда?!

Велислава, ни капли не смутясь, юркнула к окну и стала разглядывать двор, который всегда был полон народу. Вот и сейчас в разные стороны метались слуги, степенно прохаживались дружинники, спорили какие-то бояре из молодых, хихикала о чем-то стайка юных девиц. Именно они и указали княжне на местонахождение искомого варлока. Тот, поглаживая храп огромного смоляной масти жеребца, как раз о чем-то беседовал с головой княжеской дружины – воеводой Горыней.

- Нет, ты посмотри какой! – восхитилась княжна.
- А знаешь, какая у него силища! – тут же вспомнила ведьма.
- А вы что, и подрачься уже успели?
- Дурная! Я проверила его колдовскую мощь!
- И?..
- И вот думаю: а что это варлок такой силы делает у нас?
- И правда! – тут же попала на умелую уловку падкая на всякого рода тайны и заговоры

Велислава.

Через пару мгновений она на-гора выдала с десятков версий одна другой страшнее и запутаннее, а после перечисления списка преступлений, в которых Лихослав мог быть замешан, Буяна была озадачена на предмет выяснения его тайных мотивов и слабостей. Когда княжна начала называть возможные способы выведывания искомым сведений, ведьма, не скрываясь, взвыла:

- Велислава! Пощади! Откуда ты понабралась этого?!
- Так это... у отца.
- Что?!

– Ну книжку у него из покоев утянула. Между прочим, книжка заморская. С гравюрами срамными. На «К» как-то называется.

Буяна зарычала.

– Все! – отрубил она. – Я пошла.

– Подожди! Самое главное не сказала. Я к тебе сегодня заскочу погадать. Ко мне женихи едут. Откуда-то из земель дальних.

– Не наши, что ли?

– Ага, францы али англы или еще откуда, так и не поняла.

– Что это князюшка наш учудил? Он же сам говорил, что не хочет с державами западными родниться: мол, глупости все это. Мира не укрепляет, а только хуже делает. Детей же почему зря теряешь. Еще говорил, что у него не так много дочерей. Кстати, сколько вас на самом деле? Князь мне так и не смог сказать.

– Да я и сама уже запуталась. Кого считать, кого нет. С отцовыми-то загулами!

Ведьма хмыкнула: князьи загулы были всему княжеству известны. Впрочем, своих детей он всегда признавал, да и не принуждал никого. На взгляд Буяны, Ладимир Мечеславович и сейчас был мужик хоть куда, так что девок дворовых, что чаще всего бывали в его покоях, она вполне понимала.

– А что с этим сватовским посольством, я и сама не поняла. Отец так туманно объяснял, что ясно – правду не скажет. Так кинешь карты?

– И в воду погляжу, и воск накапаю,⁵ – рассеянно кивнула ведьма.

---

⁵ Буяна называет наиболее известные способы гаданий на жениха.

– Лады! Только когда будешь у варлока выпрашивать...

Буяна коротко взвыла и бросилась к окну. Короткое заклинание – и вот она выпрыгивает из высокой светлицы (в несколько ростов человеческих будет) во двор. Сзади раздается вскрик княжны, так и не привыкшей к ее выходкам.

Ведьма приземлилась прямо под окнами. Оттолкнувшись кончиками пальцев от земли, девушка выпрямилась и, делая вид, что не замечает побледневших лиц окружающих, направилась к варлоку:

– Ну что, идем?

– Пошли, конечно. – Он закинул сумки на спину коня. Похоже, его не впечатлило представление.

Выходя из ворот, Буяна приветливо кивнула знакомым дружинникам и их голове. Он-то как раз не удивлен. Не зря столько времени вытрясал из колдуньи все, чем она может помочь городу при осаде или еще какой напасти. Ведьма даже ворчала, что теперь Горыня лучше ее самой все фокусы знает.

Город свой Буяна любила. Небольшой и немаленький, он весь ей казался каким-то на редкость ладным. Уютным, добротным, чистым, продуманным. Все в нем было: и стены высокие, и терем княжий красивый – загляденье! И лавочек великое множество, чего в них только не было: и ткани наши али заморские, и оружие всех видов, и горшки работы искусной, и кожи, и меха, и стекло прозрачное да цветное – все было! Мирно в Зареславе жили, богов почитали. Любила ведьмочка улочки узкие, все ей знакомые, людей надежных и проверенных, избы, одна другой краше – все ей было любо, все ей нравилось.

– А почему Зареслава? – спросил Буяну варлок. Они уже какое-то время молча шли к дому колдуньи.

– А ты не ленись, варлок, встань на заре да взгляни на наш город. Особенно хорошо бы с места какого высокого. Красота это дивная! Да к тому же Красна Девица Заря⁶ всегда к нам благосклонна была. Поначалу тут и города-то никакого не было. Капище богини стояло. Лишь потом вокруг него град вырос. Если надумал тут надолго поселиться, сходи на капище – с тех пор еще сохранилось, не ленись, вознеси хвалу нашей красавице.

– Завтра и схожу. Благодарствуй за совет, милая. – Лихослав улыбнулся.

Буяну не оставляло ощущение, что за каждым словом его таится усмешка, будто он не на десяток лет ее старше, а раз в пять – не меньше.

Они какое-то время шли рядом, храня молчание. Прохожие косились на варлока, безошибочно узнавая в приезде важную персону. То, что он шел с Буяной, только усиливало любопытство. С ведьмой с разной степенью приветливости здоровались все. Каждый в Зареславе хоть раз, но приходил к ней за помощью. Вот этот купец просил ее отвести мышей от его складов. А сей торговец тканями просил ее найти воришку, умыкнувшего шелка, что князь заказывал. А боярыня эта боялась дочку замуж отдавать, гадать на ее будущее приходила. Воину, что скоренько так бежит мимо, Буяна лечила спину, поврежденную в бою.

– Ладный у тебя конь, – с улыбкой произнесла Буяна. – Богатырский.

Черный покосился на нее темным умным глазом.

– Можно его погладить?

– Ворон, можно тебя девушке погладить?

Конь фыркнул на хозяина и сам ткнулся ведьме в руку.

– Ты все понимаешь?! – удивилась та. – Вот чудо так чудо!

---

⁶ Богиня Утренняя Заря, дочка Дажьбога и младшая подружка Макоши. Зарю по традиции славят все, кто встает рано на рассвете: селяне, торговцы, путники. Изображают ее как молоденькую розовощекую девушку с длинной золотой косой, смешливую и нежную, любящую похвалу. Поэтому и обращаются к ней, начиная с восхвалений разных и прочих сладкоречивых славословий, на кои она зело падка.

– И говорит, – хмыкнул варлок. – Только у нас договор – на людях этого не показывать. Пугаются.

Ведьма тем временем запустила руки в длинную черную гриву. Волосы оказались на удивление мягкими – не человеческие, конечно, но намного шелковистее, чем обычно у лошадей. Девушка тут же засюсюкала с конем, рассказывая тому, как он красив да умен. Ворон благосклонно внимал ей, изредка бросая на хозяина победные взгляды.

Варлок задумчиво с каким-то странным интересом рассматривал колдунью.

– Что-то не так? – спросила она, отрываясь от красавца черногривого.

– Ты Ворону нравишься, – промолвил Лихослав, не отрывая глаз от ведьмы.

Та ответила ему недоуменным взглядом.

– Это с ним редко случается, – пояснил.

– Да? – Буяна с удивлением оглядела жеребца. – А мне показалось, Ворон любит девушек.

Конь фыркнул.

В этот момент с дальнего конца улицы послышался шум. Кричали люди, что-то падало, ржали лошади, что-то деревянное явно ломалось, невидимая тревога неслась впереди этого бедлама. Ведьма флигелем на ветру мигом повернулась в ту сторону как раз вовремя, чтобы увидеть, как на мостовую врывается тяжелый бурый конь с худеньким всадником на спине. Мчался он в сторону княжьего терема. В мальчишке Буяна опознала младшего сына старосты Малиновки, деревеньки близ Чудовой Чаши – старого сурового леса, известного своими чудесами, равно как и опасностями. В народе даже бытовала поговорка: «Не ходи в Чудову Чашу – на чудищ и не нарвешься». Буяна скептически относилась к этой мысли, считая, что неприятностей на место свое любимое можно где угодно сыскать, но сама старалась лишний раз в Чашу не соваться, хоть и знала о ней не в пример больше, чем другие. Благо именно посреди нее и возвышалась известная на всю округу Лысая Гора, на которой каждую пятницу устраивался шабаш.

Лицо у мальчишки было донельзя перепуганное. Но больше ведьму озаботило другое. Ладимир был мудрым правителем и пекся обо всех своих людях. Так, например, в каждом селе или деревушке были так называемые «опасные» или «княжьи» кони. Это были особо быстрые и выносливые скакуны, на которых гонец должен был в случае беды нестись в Зареславу, дабы доставить весть князю или добраться до помощи.

Сейчас, похоже, скакун использовался по прямому назначению.

Буяна сунула два пальца в рот, и улочку прорезал оглушительный злой свист. Бурый коняга тут же взвился на дыбы, затанцевав на задних ногах. Ведьма уже мчалась к нему, легким посылом колдовским не давая мальчишке свалиться с этакой высоты.

Оказавшись перед перепуганным животным, Буяна рванула поводья вниз, принуждая коня опуститься на все четыре копыта, волшебством и ласковым словом успокаивая и зверя, и дите.

– Что случилось?!

Мальчишка, мигом узнавший ведьму, благо она не один раз бывала в их деревеньке, тут же выпалил как на духу:

– К волхву еду. Коровью Смерть близ наших пастбищ видели!

– Начался уже падеж?

– Нет, слава богам, но затем и спешка такая.

– Давай, малец! Не останавливайся!

Буяна отпустила поводья, и конь, подхлестнутый мальчонкой, вновь рванул с места.

Ведьма, глядя им вслед, задумалась. Коровья Смерть, или иначе Черная Немочь, была истинным бичом селений. Эта нежить распроклятая легко могла оборачиваться кошкой, собакой, коровой – правда, всегда черной – и таким образом спокойно попадала в деревни. Как только ей удавалось это сделать, начинался массовый падеж скота. Причем обычные предо-

сторожности и обереги были ей нипочем и объяснить этого никто не мог. Справиться с Королевой Смертью могла и ведьма, и простой люд, но предотвратить ее появление в селении мог только волхв. Они же делали амулеты против этой напасти. Обычно тех хватало надолго, но близ Чудовой Чащи амулеты истощались почти мгновенно, а своих волшебников в деревушке не было. Не к Бабе-яге же идти, право слово. Вот и приходилось волхву мотаться в Малиновку мало не каждый месяц. Однако в этот раз ситуация вышла за все мыслимые пределы. Буяна точно знала, что Белозор только оттуда вернулся – более двух седмиц не прошло, она сама вместе с ним ездила. Отчего же обереги так быстро истощились? Ох странное что-то в Чудовой Чаще происходит. Впрочем, чему удивляться – когда там спокойно было?

– Не хочешь ли чаю, Лихослав? – посмотрела ведьма на варлока.

Тот согласно наклонил голову, благо сам уже давно прикидывал, как бы напроситься в гости. Череп на воротах сверкнул на колдунью зеленым светом из глазниц и хмуро пробурчал:

– А, явилась, хозяйюшка. Пока ты ходишь невесть... – Череп хмуро оглядел ее спутника, – с кем, тут к тебе толпа народу приходила.

– Так уж и толпа? – не поверила та.

– Ну, мож, и не толпа. Купец с купчихой, что на прошлой седмице были. И парень какой-то, из молодых да шустрых. Прежде я его что-то не видел.

– Что сказали?

– Как всегда, что-то невразумительное.

«Да-а, почему-то мало кто может что-то вразумительное сказать после разговора с Черепом», – хмыкнула про себя ведьма.

– Но я им посоветовал позже зайти.

– Нахамил небось, костяная твоя морда? – недобро сощурилась Буяна.

– Да что ты, хозяйка. Сама вежливость был, – заверил ее разговорчивый Череп.

– Ну-ну, смотри мне! А это варлок Лихослав. По соседству будет жить. Поласковой с ним будь.

– Сосед, значит, – глумливо хмыкнул Череп. – Ну будь здоров.

Ведьма вздохнула и, погрозив злыдне кулаком, вошла в услужливо распахнувшиеся ворота. Чародей последовал за ней, перекинувшись парой слов с «привратником». Буяна тем временем позвала домового. Перепоручив его заботам Ворона (Веденя долго охал и ахал над жеребцом, выражая свое восхищение им, а заодно и «наметившейся тенденцией»), колдунья позвала Лихослава в дом.

– Веденя у меня давно ратует за расширение хозяйства, – пояснила она. – Замучил уже. То ему корову подавай, то хотя бы козу. Да и собаку было бы неплохо. А что я выдержала, когда ему в голову втемяшилось, что мне конь нужен! А еще считается, что я в доме хозяйка!

Варлок засмеялся. Смех у него был приятный, чуть более звонкий, чем ожидаешь от большого такого мужчины, но мягкий и обволакивающий.

– Это мне знакомо. Я более семи лет назад на пепелище, что осталось от дома одного, подобрал хозяйюшку – домового, токмо женского полу. Уладой зовут. Хотел ее пристроить куда. Сразу не получилось, а позже... – Лихослав махнул рукой. – Привязалась она ко мне, спасу нет. Везде за мной ездит. Я последнее время все не в своих домах живу. Вот как и сейчас – князь мне дом в пользование определил. Объяснял ей, говорил: где это видано, чтобы домовый без дома обретался? Ни в какую. И тоже постоянно бурчит: мол, давай осядем, хозяйство заведем, добро наживать уже надобно и прочее. Так что я тебя понимаю, краса. Страшно подумать, что сейчас снова все это слушать придется. Да уж так получилось – ни она без меня, ни я без нее.

Буяна засмеялась. Варлок рассказывал хорошо. Со вкусом, с пылом, удачно пародируя если не голоса, то интонации.

– А что же не осядешь нигде? – спросила она, посмеиваясь и устанавливая самовар. Веденя что-то задерживался.

Варлок одобрительно оглядел ватрушки, варенье и ладную фигурку ведьмочки:

– Вот и я думаю, что это я не осяду?

Простая фраза почти заставила вспыхнуть щеки девушки. В этот момент в горницу влетел как-то странно взволнованный домовый и начал носиться по ней, расставляя блюда и попутно убеждая людей, что им просто необходимо плотно пообедать где, мол, это видано: голодными ходить.

Ни ведьма, ни варлок не успели и слова сказать, как перед ними уже высились горы снеди одна другой вкусней и аппетитней. Убедившись, что людям еды хватит дней на пять, Веденя вновь куда-то унесся.

Буяна еще несколько минут оторопело таращилась ему вслед.

– Послушай, – недоуменно перевела она взгляд на еле сдерживающего смех чародея, – только не говори мне, что твоя Улада с тобой приехала.

Варлок кивнул и, не выдержав, расхохотался.

– Боги, – схватилась ведьма за голову, – я и раньше с ним едва справлялась, а что мне с влюбленным домовым делать?!

Теперь уже они оба рыдали от смеха в голос.

– Кстати, вон из окна дом твой новый виднеется, – немного погодя – придя в себя и вытерев с глаз выступившие слезы – заметила колдунья.

Дом был огромный, раза в два больше, чем у Буяны. В своем запустении он поражал странной какой-то таинственной красотой.

– Пустует давно, – добавила девушка.

– А что так?

Она пожала плечами:

– После смерти хозяев все ждали наследников. Да так и не дождались. Приезжали, правда, какие-то, да наутро их и след простыл. Пока Ладимир Мечеславович решил его городу оставить! Жили там в основном те, кому князь жаловал дом в пользование. Да все недолго. Дурная у него слава. Вроде как не живет там людям, духи бродят, и проклятие на него наложено. Обычный набор.

– А на самом деле?

– Да бродит там что-то, стучит да гроыхает. Но оно меня не трогает, а я – его.

– А что ж там «стучит да гроыхает»? – процитировал Варлок Буяну.

– Так на то и пустой дом с духами, чтобы стучало да гроыхало, – засмеялась явно довольная ведьмочка.

Лихослав поднял брови, побуждая ее продолжать. Буяна ласково ему улыбнулась:

– Надо ж мальчишек потешить... – Она помолчала. – У любого города должны быть свои легенды.

Девушка подняла на него задумчивые зеленые очи.

– Но, чес-слово, когда там люди живут, я ничего плохого даже на забаву не делаю.

– Разберемся, – ответил варлок. – Ну что, пойдём нарушим уединение наших домовых?

Составишь мне компанию в осмотре нового моего жилища?

Однако стоило им выйти из ворот, как в дальнем конце улицы раздались крики. К дому бежал один из воинов, что держали дозор на стенах города. Ведьма остановилась. Годы опыта убедили ее в том, что если на ее улице появляется бегущий человек, то несется он непременно к ней. Бровки девушки сами сошлись вместе.

– Буяна Гориславовна! Не откажи, сделай милость! – Воин еле успел затормозить. – Меня Горыня послал. Велел без тебя, надежа наша, не возвращаться!

– Да что случилось-то, в конце концов?! – Настроение у ведьмы сразу же упало.

– Да один из обережных амулетов перестал работать. А волхв уехал! Поди посмотри, сделай милость!

– Как – перестал работать?! – опешила Буяна. – Что, совсем?!

Обережные амулеты стояли на стенах города, в башнях. Их задачей было защищать жителей от чародейства вражеского, от болезней заразных, от нежити всякой в конце концов. Во время штурма обороной конечно же занимались и все маги, что оказывались в городе, но амулеты должны были брать на себя основную часть заклинаний и позволяли городу выдерживать колдовскую атаку, в случае если маги исчерпали свою силу. Хотя если чародей, волхв погибал или на момент осады в граде его не было, на амулеты особой надежды не возлагалось. Они защищали лишь от самых простых заклятий.

Но без них город можно было взять одним махом. Поэтому за их исправной работой следили постоянно и самым внимательнейшим образом. Волхв раз в седмицу обязательно обновлял их.

Так что поломка одного из них была делом и вовсе не слыханным. Буяну, хоть она и отбрыкивалась, волхв Белозор все равно привлек к работе с амулетами. Она ругалась, ворчала, вредничала, требовала от него, чтобы он наконец завел себе ученика и отстал от нее. Ничего сложного в оберегах не было, но эта работа выматывала, требуя огромной траты волшебных сил. Волхв питался ими от природы, богов. Буяне приходилось труднее. Сила, которой она владела, была куда слабее, хотя это и позволяло ей больше помогать простым людям в их обычных нуждах, ведь гадания или заговор против засилья мышей требуют намного меньше чародейства, хотя и более тонкого его плетения.

Варлок было дернулся вслед за девушкой, но та покачала головой:

– Тебе на стену нельзя, ты же понимаешь.

Чародей понимал, но это ему не нравилось. Что поделаешь, в новом месте придется строить отношения и завоевывать доверие заново.

Буяна кошкой черной взлетела на стену. Благо по этим ступенькам не раз бегала. Наверху ее ждал Горыня.

– Буянушка, наконец-то! Погляди, девонька, что тут мои оболтусы натворили!

Дружинный голова положил ей руку на плечо, направляя к амулету. Ведьме хватило одного взгляда, чтобы понять, как он встревожен. Горыня был уже в годах, но крепок как дуб вековой. Невысокий, но неимоверно широкий в плечах и вообще в туловище, он казался непробиваемым и неподвластным никаким напастям. Буяна безмерно уважала и любила его. За надежность, за порядочность, за отеческую ласку. Не раз он бывал гостем в ее доме, не раз давал добрые советы, а порой вытягивал красавицу из цепких объятий отчаяния. Но и Горыня не мог нарадоваться на ведьмочку. Именно ей принадлежало авторство многих сюрпризов, что имели в своем арсенале воины князя. Дружине порой приходилось сталкиваться с врагами и в чистом поле, и к стенам Зареславы те иногда подходили. Вот тогда Горыня искренне радовался, что Буяна на их стороне. Более хитрой, опасной и вредной ведьмы и представить нельзя.

– Что случилось, Горыня? – прошептала девушка.

Тот, жестом отослав идущих рядом воинов, повел ее к испорченному амулету:

– Сама посмотришь. Но не нравится мне это.

– Кто бы сомневался. Князю доложили?

– Сам прознал. Поглядь, девонька, может, зря я столько шуму поднял.

– Что, уже весь город на осадном положении? – усмехнулась она.

– Стража так точно, – хмыкнул воевода и остановился, сам зная, насколько близко немагу можно подходить к амулету, чтобы не исказить исходящее от него волшебство.

Буяна скользнула вперед и настроилась на чародейство. Оберег едва заметно, легонько подрагивал в своей сердцевине. Девушка облегченно выдохнула: по крайней мере, испорчен не до конца. Ведьмочка облизнула губы и сделала еще шаг вперед. Исходящее от амулета сияние поглотило ее ладную фигурку. Под тончайшим горным хрусталем билось сердце оберега – перо жар-птицы. Даже закрытое, оно светилось и грело, кружило голову силой неведомой.

Колдунья вплотную приблизилась к нему, положила ладошку на хрусталь. В раскосых зеленых глазах зрачок сузился, превратившись в вертикальную полоску. Пришло время волшебства. Жар сверкнул в омуте очей прекрасных.

Спустя весьма долгое время Буяна вышла из сияния, покачиваясь и ругаясь на чем свет стоит. Опытные стражи мигом поняли по свечению, что амулет вновь работает как должно. Распознал это и Горыня. Никаких колдовских способностей у него не было, но все, что нужно было знать про магию для защиты города и победы в бою и что можно было опознать, не имея оных, он знал. В руке воевода уже держал кувшин с чистой родниковой водой, который без разговоров сунул ведьме, придержав девушку – на всякий случай: бывало, чародеи лишались чувств после работы с амулетами такой силы.

Буяна жадно хлебала воду, восстанавливая силы.⁷ Лучше, конечно, из самого источника, но так тоже ничего. Все-таки Горыня молодец, точно угадал момент, когда водичка понадобится.

– Уфф! – оторвалась она наконец, заметно повеселев. – Горыня, ты человек!

– Рад услужить, госпожа чародейка, – отвесил он ироничный поклон. – Ну а теперь, краса моя, расскажи, что же там произошло.

Девушка сверкнула глазами зелеными и тут же нахмурилась:

– Оберег я восстановила. Хотя волхв был бы лучше. Тяжеловато это для меня, Горыня. Не моя стезя. А вот случилось что, я могу тебе сказать. Испортили его. Вернее, попытались. Не чародей работал, это я тебе точно скажу. Хотя чародея я бы и так учуяла...

Она неожиданно оборвала повествование, сурово уставившись на воеводу.

– Ты чего ухмыляешься, пень старый? – рыкнула на него.

– Да видел я сегодня, как ты чародея нового учуяла! – чуть ли не заржал тот.

Ведьма недобро глянула на старого воина:

– Ты, Горыня, не зная дела, не лезь. А то, не ровен час, лишишься дурного своего языка.

– А что? Мне парень понравился, – не мог успокоиться воевода. – Всячески одобряю.

Колдунья заскрипела зубами.

– Не кипятись, девонька, ты ж знаешь, давно тебя замужем хочу увидеть. Ведьмончат маленьких понянчить. Прости старика, – покаялся дружинный голова.

– Горыня, ты годами дурь свою не прикрывай. Ты многих еще переживешь. А в мои дела нос свой не суй, я тебя еще тогда предупреждала.

– Как скажешь, – посерьезнел воин. – Давай дальше рассказывай, что там с оберегом.

Колдунья еще раз зыркнула из-под насупленных бровей.

– Повторюсь – амулет испортили. Кто это сделал, не знаю. Но не твои молодцы – это точно, если только новые, с кем я незнакома.

– Есть такие, – кивнул воевода.

– Тогда пришли их ко мне... под разными предложениями сегодня-завтра. И по отдельности. Я этот дух хорошо запомнила. Не пропущу. Дальше. Если это не кто-то из новеньких, тогда посмотри, кто рядом на стене был из посторонних. Сможешь узнать?

– Попробую. Вообще не должно было никого быть.

– Это может быть кто-то из холопов, оружейников, каменщиков, гонцов княжских, жен или подруг, сестер и прочих баб твоих кобелей – кто угодно. Да, и еще, Горыня...

– Да...

– Ребятам просто могли отвести глаза.

– Но ведь амулеты на них против этого дела.

---

⁷ Родниковая вода частично восстанавливает колдовские силы чародеев и гасит неприятные ощущения, возникающие после слишком большой их траты. Рекомендуется пить ее из самого родника, тогда чародейство восполняется почти полностью. Набранная же вода частично утрачивает свои свойства.

– Ты уверен? Вот, например, на тебе нету.

Горыня хлопнул себя по груди, где обычно под кольчугой висела гроздь оберегов.

– И правда – забыл надеть.

– Расслабились вы, вот что. Распустились. Бдительность потеряли. Если даже ты забыл.

– Я проверю, были ли на них амулеты. – Воеводе хотелось сквозь землю провалиться за собственный промах.

– Проверь-проверь, – поддакнула она. – А еще лучше выволочку устрой, чтоб носили, не забывали.

Немного помолчала. Потом продолжила:

– Завтра пришли мне амулеты тех, кто не в дозоре. Хочу проверить, как там с их силой. Может, уже обновлять надо. По срокам вроде нет. Но сегодня Белозору пришлось вновь в Малиновку ехать: оберег против Черной Немочи обновлять. Мало ли что. Бывает, что-то в природе меняется, и чародейство – любое – на это тоже реагирует. Да, еще – если обновлять их придется, воевода, хорошо бы, мне за это заплатили.

– Не волнуйся, красавица, не обидим. Князюшка всегда говорит: за работу надо платить, и платить хорошо, тогда и сделана она будет на совесть. – Он немного помолчал, что-то обдумывая.

– А скажи, действительно амулет настенный по злему умыслу испортили? Может, случайно кто?

– Нет, специально. Я почувствовала злой умысел.

– Как думаешь, что это значит?

– Вроде у тебя своих мыслей на этот счет нет, – хмыкнула ведьма.

– Есть, но я хочу услышать твои.

Буяна уже привыкла к подобным разговорам. Горыня считал, что идея правильная может родиться случайно и поэтому нельзя навязывать человеку свое мнение. Мол, в разных головах и идеи разные. А кто сказал, что тать думает именно как ты?

– Ну, во-первых, кто-то хочет на нас напасть. Но это вряд ли, так как, чтобы нас захватить, нужно войско, а его и около границ дальних нет, не то что под стенами Зареславы. Да и выводить из строя один оберег тогда не имеет смысла. Чтобы как-то серьезно повлиять на исход осады, надо испортить хотя бы два-три. С другой стороны, кто-то может проверять свои возможности, чтобы в момент решающий вывести из строя и другие обереги. Но это как-то... недальновидно, что ли. Ведь теперь мы настороже и бдеть будем усиленно. Во-вторых, амулет этот отвечает и за торговые ворота. Возможно, кому-то нужно было провезти в город что-то запрещенное. Может, оружие колдовское какое или товары, на кои вето наложено. Потряси своих молодцов на заставе. Может, запомнили что али имена записали. Вроде дьяк Торгового приказа должен там стоять.

– Что же это могло быть?

– О-о, да что угодно. Оружие или какие другие волшебные штучки. Но очень сильные. Потому как слабые наши доблестные стражи на воротах и так не почуяли бы. Слабыми могут только чародеи пользоваться. А это, сам понимаешь, нам ни к чему: если надо бы было, мы могли и так князю лапшу на уши навешать, наврать что угодно, проверить-то некому, и провезти спокойно в город. Но что именно? Надо подумать, Горыня... Что ж, буду искать. Да, кстати, это могут быть травы запретные или зелья дурманные. Но это на совести Разбойного приказа оставляю. Кстати, это мог быть и колдун какой, если он не хотел, чтобы его заметили. Но если это так, то в ближайшее время я это узнаю. А может, и нежить какая пробралась.

– А не связано ли это с варлоком твоим? Как-то все подозрительно.

– Он не мой. Но не думаю. Сначала он у князя был, затем со мной. Да и потом – провезти какую дрянь он и так мог. Я краем глаза видела его грамотку. Скажу тебе по секрету – от Совета Чародейского да князя Белограда. Да с ним бы воз запрещенного да опасного ехал и полк

нежити шел, его пропустили бы, только на ту грамотку одним глазком глянув. Но я постараюсь узнать, зачем он сюда прибыл. А ты у князя поспрошай. Он, думаю, лучше нас знает.

– Благодарствую, Буянушка. Все, как ты сказала, сделаю. Жди сегодня-завтра моих молодцев. На проверку да с амулетами. И сообщи немедля, коли чего узнаешь. Береги себя, девонька... Хм, да и с варлоком не плошай.

– Горыня!!!

Стоило уставшей, но довольной ведьме завалиться домой, отмахнуться от опять поругавшихся Ведени и Кузьмы, как прибежал посыльный от Горыни с гроздью амулетов тех дружинников, что должны были завтра в дозор затупать. Владияр, молодой, подающий надежды воин, ходил у воеводы в любимчиках, если такое вообще возможно, и в доме Буяны бывал не раз. Даже сварливый Череп к нему успел попривыкнуть.

– Поздорову тебе, хозяйюшка! – весело крикнул дружинник выглядывающей из окна колдунье.

Ввалившись в горницу, Владияр поклонился, залихвацки махнув шапкой, и, выпрямившись, улыбнулся во все зубы:

– А что, Буяна Гориславовна, напоишь ли чайком воина усталого?

Ведмочка только хмыкнула:

– Ну садись, воин усталый.

Парень не заставил себя упрашивать.

Колдунья пока же амулеты рассматривала.

– Что, устроил Горыня вам взбучку по поводу амулетов? – не поднимая очей зеленых, спросила она.

– Да уж... что было, ты не представляешь!

Веденя установил самовар, отчего-то недовольно посмотрел на лыбящегося дружинника.

– Почему же? Очень даже... – Оторвала Буяна взгляд задумчивый от оберегов: – Так не разобрать. Судя по тому, что ты на чай напросился, Горыня немедля возвращаться не велел?

– Все так, хозяйюшка. Вкусные у тебя плюшки. А варенье!

– Вот и наслаждайся, а я пока пойду проверю.

Не обращая внимания на разочарование строящего ей глазки парня, ведьма поднялась в «колдовской покой». Комната, буквально пропитанная волшебством, встретила ее радостно. Буяна повела рукой по воздуху, снимая невидимую простому человеку защиту, сгрузила гроздь оберегов на стол и направилась к полкам, до отказа забитым баночками, скляночками, горшочками, мешочками, коробочками и прочими емкостями, в коих хранились необходимые для волшбы вещества. Привычно пробежалась пальцами по воздуху рядом с ними и покачала головой: запасы-то надо обновлять. «Держись, Милана, скоро бурей-ураганом пройду по твоим кладовым. Еще надо бы прикупить...» В голове ведмочки привычно возникли два длиннющих списка. Первый – на то, что можно хоть и с риском для жизни, но выбить у знахарки. Второй – на то, что придется покупать. Второе ей нравилось меньше, так как то, что делала Милана, качества было самого высокого, а вот покупное... Нет, продать порченное ведьме никто не решился бы, но многое же было не так уж хорошо просто по незнанию купцов.

«Ох... лады, надо приниматься за дело».

Ведма развернулась и резко дернула рукой, будто что-то на стол бросая. Тот мигом покрылся синей скатертью. Вычурный, немного раздраженный жест – и прямо по центру возник большой, с хороший кочан капусты, хрустальный шар.

Буяна попутно убрала тарелочку с голубой каемочкой и наливным яблоком, что так и норовило что-нибудь показать. «Не до тебя сейчас...»

Стоя посредине комнаты, девушка задумалась, потом не глядя поманила пальцем. Стол с лежащими на нем амулетами подбежал к своему большому брату – тому, что покрыт темной

скатертью. Затем колдунья посмотрела на шкафчик, и бутылочки с мешочками сами полетели, укладываясь в строгом порядке рядом с амулетами.

Помассировав пальцами глаза, девушка шагнула к круглому столу. Шар радостно вспыхнул зеленым при ее приближении. Ладонки сделали жест, будто лепя снежок, и сгусток силы полетел в хрусталь. Зеленый свет сменился на синий. Ведьма откупорила один из пузырьков и сыпанула мелкий искристый порошок, который исчез прежде, чем долетел до шара.

Покрутив в пальцах один из амулетов, Буяна уложила его перед собой. Рядом расположились строго подобранные самоцветы. Капнула мерзкого вида жидкости и пригляделась. Тяжко вздохнула, перевела взор на шар. Тот закружился туманом. Девушка раздраженно шелкнула пальцами. Туман пропал, но ситуацию это не прояснило. В дело пошли другие камушки, за ними – травы и зелья.

Буяна спустилась в горницу, когда дружинник, доев все плюшки, уже изрядно заскучал. При виде ведьмы молодец подскочил и засыпал ее вопросами о самочувствии. Видно, пареньку ну очень хотелось оказать ей лекарскую помощь.

Ведьмочка усмехнулась:

– Утихомирься, Владияр. Вот ваши амулеты. Скажешь Горыне... Запоминай, второй раз для глухих повторять не буду. Скажешь Горыне, что обереги в порядке, сила поубавилась, но в рамках. Как и должна. Волшебства я долила, чтобы, значаща, понадежней было. Передай, что жду другие.

– Хорошо, Буяна Гориславовна, все, как ты велела, воеводе перескажу. Горыня еще просил тебя, если мысли какие появятся, не забыть ему их поведать и... не лезть в пекло поперек батьки.

Дружинник улыбнулся, глядя на нее лукавыми, бесстыжими очами. Ведьма рассмеялась:

– Что, так и сказал?

– Так и сказал, Буянушка!

Они захохотали, и именно в этот момент скрипнула дверь и на пороге, словно минуя сени, появился варлок:

– Я вижу, тут очень весело. – Что-то в голосе его заставило Владияра резко оборвать смех.

Буяна развернулась на месте, буравя взглядом вошедшего. И взор этот обещал ему все муки Нижнего мира.

– Что ты тут делаешь?! – рявкнула она.

– Зашел спросить кое-что, – не менее ласково ответил чародей. – Не знал, что тебе помешаю. – Язвительность в его тоне можно было топором рубить.

– Как ты сумел преодолеть заслон?!

– Неужто ты думаешь, что мне забор преграда?!

– Какой, к лешему, забор?! – вызверилась ведьма. – Кто позволял тебе ломать защиту колдовскую?! Напомню тебе, стольный чародей, что ты не в своем Белограде по собственному огороду ходишь! Это другое княжество! И дом это не твой! И что, если тебя в этом доме радушно приняли, не дает тебе право хаметь!

– Что, помешал сильно?! – Казалось, ярости чародея нет предела.

– А как ты умудрился заговорную защиту сломать?! Как ты вообще посмел?!

– Ничего я не ломал! Перелетел через забор, и все!!!

– Ах, все!!! Да там такая защита стоит, что армии не пройти!

– Что-то не заметил! Может, ты, ведьма, напутала чего, а на меня свалить хочешь?!

– Зачем мне это?!.. Скорее, это ты хотел покрасоваться своей силушкой! Все вы, заезжие чародеи, одинаковы! Ты что думаешь, что тебе все позволено?! Да захочу – кусочка-волосочка не останется!!!

– Ну попробуй!

В руках магов в миг запылали разноцветные молнии. Оба перетекли в боевые стойки. Еще вдох – и быть беде.

– Эй! Эй!!! Подождите! – замахал руками дружинник. – А можно я сначала уйду?! Буяна Гориславовна, а Горыне сказать, что чародеи – и ты, и варлок – пали смертью храбрых?!

Ведьма резко повернула голову в сторону нахала языкастого – ей не надо было смотреть на Лихослава, чтобы знать, что он делает, – и обожгла Владияра взглядом, аж волосы задымались. Дальше дело не пошло, но и этого было более чем достаточно. Дружинник поспешил ретироваться.

– Что-то трусоват кавалер, – не преминул съехидничать варлок.

– Не твое собачье дело! Говори, зачем пришел, и проваливай!

– Хотел тебе кое-что показать, да вижу, что не ко двору пришелся!

– Лучше расскажи мне, зачем ты тут вообще появился, варлок!

– А это – как ты сказала? – не твое собачье дело! – Чародей впитал молнии в руку и, повернувшись к девушке спиной, шагнул к двери.

В следующее мгновение в нее врзался ступок огня, расплескавшись о дерево ровно молоко, из кувшина пролитое. Лихослав вновь оказался лицом к ведьме, будто и не поворачивался.

– Первое предупреждение! – прорычала Буяна. – Это будешь князю указывать, что его, а что не его дело! А мне будь добр отвечай!

– Иначе что? – зло засмеялся чародей, блеснув засветившимися синими огоньками глаз. – Неужто ты думаешь, что сможешь меня побить в бою честном?!

– По крайней мере настроение испорчу, это уж точно!

– Можешь успокоиться – уже испортила!

– Значит, день прожит не зря, – усмехнулась ведьма. – Так зачем ты приехал в Зареславу?

– Не обязан перед тобой отчитываться! Попробуй спросить по-хорошему!

– Уж лучше по-плохому! – рывкнула ведьма, швырнув в нахала еще один огненный шар. Тот бесславно разбился о невидимый магический щит. В тот же момент в кудесницу прямо с потолка упала превосходная разветвленная молния. Буяна не стала уклоняться или ставить защиту: молния, не причинив ей ни малейшего вреда, впиталась в девушку, дав ей новые силы.

В варлока уже летело копьё ледяное. Но растопилось в огненной стене. «Переварив» лед, стена преобразилась в огненную птицу и устремилась к ведьме. Та только отмахнулась – птица рассыпалась искорками – и отправила обеими руками молнии: синюю и зеленую.

В комнате летали магические шары, взрываясь и надрывно жужжа, ветвились молнии, прорывали защиты волшебные копыя, громыхал гром, азартно вскрикивали чародеи, сыпались во все стороны искры. Тихонько под печкой причитал, подсчитывая убытки, домовый. Кузьма на верхней ступеньке лестницы, потрясая передними лапами, болел за хозяйку.

Победитель так и не выявился. В какой-то момент чародеи просто остановились. Застыли в напряженных позах.

Буяна смотрела на варлока. У него карие глаза, отчего-то подумала она. Биться вдруг расхотелось. Она понимала, что и сил у противника гораздо больше, да и опыта. В реальном бою она не сдалась бы, прекрасно зная, что победа зачастую зависит от случайности да удачи. Однако вот сейчас они просто выпускали пар, ведь оба так и не задействовали свои самые сильные и коварные заклинания. Обрушить друг на друга свою злость, закидать простейшими заклятиями – это да, это дело, но не убивать же!

Варлок же думал, что у Буяны такие невыносимо красивые покатые плечи и что если по ним провести ладонями... дальше мысли чародея смущали даже его самого.

– Буяна... – Собственный голос показался ему неестественным.

Ведьма наткнулась на этот взгляд и раздраженно опустила руки.

– Прекрати! – раздраженно – от смущения – приказала она и огляделась. Комната лежала в разрухе. Хорошо еще, хоть стены, пол и потолок были заговорены от разрушений и пожара как раз на такие случаи. Однако все остальное напоминало деревушку после нашествия басурманов.

Девушка печально вздохнула, представляя, что скажет Веденя. Потом еще раз огляделась. Хлопок – и все черепки, и все, что уже нельзя починить, со свистом вылетело в окно к помойной яме. Лихослав четкими, выверенными движениями пальцев заставлял лавки, скамьи и прочее собираться как были. Будто невидимые руки ладили поломанное. Ведьма же закружилась вокруг себя посолонь:⁸ сажа и другие следы заклинаний исчезли со стен, печи и потолка.

Через несколько минут о произошедшем здесь колдовском поединке напоминало только отсутствие утвари и недовольная рожица домового.

Буяна со вздохом пошла за запасными чашками да мисками, стараясь не встречаться с Веденей взглядом. К ее удивлению, тот не стал скандалить, установил на столе самовар, буркнул, что завтра все равно отправляться на базар, и ретировался что-то ворожить под печку.

Ведьма с варлоком сидели по разные стороны самовара и продолжали сердиться друг на друга.

– Ну ладно! – перемог себя Лихослав. – Расскажу, зачем приехал...

Буяна подняла голову.

– Тем более князь настаивал...

Ведьма распахнула глаза, сраженная как этим подлым замечанием, так и варлоковым лукавым взглядом.

– И ты... Ты... А зачем ты тут разыгрывал весь этот балаган скомороший?! – возопила она.

Лихослав пожал плечами. Его глаза смеялись.

– Да так. Руки чесались.

Буяна яростно уставилась на его разъезжающиеся в улыбке губы.

– Мерзавец, – констатировала она, вновь опускаясь на лавку – и когда только встать успела?

– Прости, милая. – Лихослав все-таки засмеялся. – Уж слишком ты была хороша. Надо было или целовать, или как-то по-другому пар выпустить.

– Смел ты, варлок, – оперлась на руки девушка, – такие вещи ведьме говорить. А не боишься?

– А то ты не видишь, что любя мне!

«Отчего после этих слов я кажусь себе в ловушке?»

Колдунья махнула рукой:

– Давай вещай, что там за дело тебя сюда привело, а потом уж будем думать, так тебя из избы гнать или поганой метлой.

Усмехнувшись, чародей начал рассказ. И сразу стало не до веселья. Поведал он о маге Хотобуде, на которого Совет Чародейский давно ведет охоту, и что он ради власти связался каким-то образом с жителями Нижнего мира,⁹ научился управлять ими. Они воины хорошие, сил у них немерено. Но нет в них ни души, ни законов людских или божеских, и они могут токмо разрушать.

---

⁸ То есть по солнцу.

⁹ Мир, как известно, наподобие яйца выглядит, если со стороны смотреть. Посредине как желток расположена сама Земля. Верхняя ее часть – наш живой мир, люди здесь живут, звери, птицы, букашки всякие. Нижняя, исподняя сторона – это Нижний мир, мир ушедших НЕ за предками, как все люди добрые. У всех его жителей нет души (вот о них-то и толкует варлок). Когда у нас день, там ночь. Когда у нас ночь, там день. Чтобы попасть туда, надо пересечь океан-море, окружающий Землю. Или прорыть колодец насквозь, и камень будет падать в этот колодец двенадцать дней и ночей. Вокруг Земли расположены девять разных небес (небо для Солнца и звезд, для Месяца, для туч и ветров и пр.).

– Его цель – власть захватить. Я не совсем пока понимаю, что для этого Хотобуд содеять задумал. А ищущего за то, что он приводит чудищ чужеземских на нашу землю. В Белограде его спугнули. Да и слишком много там чародеев. Хотобуд быстро сообразил, что удачи ему там не видать. Очевидно, хочет начать с чего-нибудь поменьше.

– Лихослав, подожди! – прервала его ведьма. – Ты какую-то ерунду городишь! Власть захватить! Это же не шар огненный в стену швырнуть! Как ты себе это представляешь?! Даже если он убьет князя – не приведи боги! – то... дальше что?! У князя есть наследники. Есть воевода и дружина, которые такого мало того что не допустят, но и сделают все, чтобы княжич – Илюша – наследовал Ладимиру. Да и просто! Бояре не поддержат захватчика! Не говоря уже о простом люде! Мы все любим князюшку нашего! А чтобы взять город, силы нужны немалые. Стены у нас высокие. Стражи зоркие. Башни дозорные вдоль межей стоят. Да и схронов тайных с дозором немало по княжеству упрятано. Так просто войску не пройти через земли наши! Стены города заговорены. Не всякое колдовство возьмет. Обереги с перьями жар-птицы опять же! Да и волхв Белозор – это, я тебе скажу, такая силища! Куда там какому-то жалкому чаровнику! Знаешь, как к Белозору боги благоволят!

– Но сейчас-то его нет в городе!

– Но случись что, он мигом почует и в городе окажется! Думаешь, «колодцем» только маги пользуются? Хотя и не стезя это волхвов, а Белозор умеет его рубить, пусть и не любит. Лихослав, что-то вы там в своем Белограде перемудрили. Ну сам подумай, такое дело проверить – тут немалая подготовка нужна. А ее мы-то уж заметили бы!

– А вы ничего не заметили?

Буяна призадумалась, нервно расхаживая по горнице, что позволило варлоку беспрепятственно любоваться стройным станом, ладными округлостями оного, величавой осанкой, длинными черными распущенными волосами,¹⁰ личиком премилым с бровками черными нахмуренными.

– Амулет сегодня кто-то попортил. Это раз, но его я восстановила. Черная Немочь появилась вновь у Малиновки. Вообще у Чудовой Чащи дела какие-то странные происходят. Но там всегда все не так, как у людей добрых... хм и ведьм тоже! Сколько себя помню. Белозор тоже так всегда говорит: что, мол, сколько еще веков она будет бурлить?! И все! На мой взгляд, маловато для организации заговора.

– А ты не допускаешь мысли, что вы просто расслабились? Доверились амулетам да оберегам? Именно когда вроде все спокойно, беды и происходят! Уж поверь опыту моему, краса.

Буяна вспомнила отсутствующий амулет у самого Горыни и пригорюнилась:

– Может, и так, варлок. Надо и правда встряхнуть это царство сонное. Я что могу – проверю. Ты с волхвом говорил?

– Конечно, еще прежде чем с князем.

– И что он тебе сказал?

– Ничего не сказал.

– Это в его духе, – хмыкнула Буяна, усаживаясь за стол. – Есть в мире вещи неизменные, для меня это молчаливость Белозора.

– Но я уверен, что он обеспокоился.

Варлок замолчал, словно сраженный какой-то мыслью, потом ласково взял в руки ладошку ведьмочки:

– Буянушка, обещай мне быть осторожной.

Девушка колдовством отгоняла краску со щек.

---

¹⁰ В Зареславе девушкам не запрещалось носить волосы распущенными. Но, как правило, обычные девушки заплетали волосы в косы – вернее, в одну. А ну попробуй с распущенными волосами по колено в избе убраться или тесто замесить! Распущенные волосы носили больше в праздничные дни, перехватывая на лбу ленточкой. Однако ведьмы никогда не заплетали косы, да и вообще никак не ограничивали свободу своих волос. Иначе колдовать было во много раз труднее.

– Думаю я так: прежде чем какую-либо заварушку устраивать, надо заговорщикам от колдунов всех избавиться.

Ведьма вновь нахмурилась.

– Впервые в жизни надеюсь, что ошибся. Но тревожит меня предчувствие нехорошее.

Буяна покачала головой:

– За меня не тревожься.

Чародей поднес ее ладошку к губам, согрел дыханием:

– Интересное у тебя имя, Буяна. Поначалу видишь в нем буйство стихии и бурю-ярость в характере твоём, ведьмочка. А потом вспоминаешь про остров дивный Буян – обитель добра, света и красоты.

Колдунья рассмеялась и выдернула руку из лап его загребущих:

– Иди уж, баюн-любитель! Ко мне скоро княжна Велислава пожалует. Так что отправляйся домой! Да не забудь про шабаш в пятницу. Уж уважь наше колдовское общество.¹¹

– Всенепременно, добрая хозяйка!

Варлок рассыпался в любезностях, но в конце концов ведьмочке удалось его выпихнуть из дома.

Не прошло и десяти минут, как Череп доложил о приходе княжны. У Велиславы было колдовское колечко, что Буяна заговаривала, и доблестный костяной страж узнавал посетительницу под любым ликом. Князь зело боялся за любимую дочку, но справиться с ее нором ему удавалось не всегда. Чаше всего они все же приходили к взаимной выгоде, но случая, когда он полностью настоял на своем, Ладимир Мечеславович, пожалуй, припомнить с ходу не мог. Поэтому пришлось Буяне заговаривать колечко еще и для того, чтобы княжна могла личину другую на себя надевать. Вроде и не Велислава идет, а просто девка дворовая чернявая али, наоборот, русая, это уж какое настроение сегодня у владелицы. Впрочем, охрана всегда ее сопровождала. Два воина, как правило, в одеже обычной да поддетой под нее кольчуге шли впереди, два недалеко сзади, а двое или один рядом. Велислава ругалась, но поделать ничего не могла. Да и, признаться, не так уж бесполезна охрана. Поскольку гадать лучше всего по ночам, то и ходить девушке приходилось по улицам темным, а это, как известно, удовольствие малое.

Пока девушки здоровались, сплетничали, обменивались новостями да шушукались, уж и вечер наступил. Пришло время в «колдовской покой» подниматься. Буяна строго-настрого приказала дружинникам оставаться внизу, наобещав в случае ослушания все ужасы, на какие хватило ее фантазии, а фантазии у нее хватало на многое. Оставив маленько позеленевших охранников внизу, подруги попрыгали в заветную комнатку.

Колдунья расставляла на столе необходимое, зажигала огонь под котлом да свечи, а княжна щебетала про общих знакомых. Ведьмочка хихикала и поглядывала в оконце. В очередной раз похихатывая над байками Велиславы, Буяна упустила из рук карты. Колода рассыпалась по всему полу. Девушка уже наклонилась ее собрать, как вдруг мысль тревожная кольнула ее.

– Посмотри-ка, Велислава.

Княжна бодренько обежала стол и тоже склонилась над картами рассыпавшимися.

– Все упали рубашкой вверх, а «Скоморох» и «Гроза» наоборот.

– «Гроза» же вроде твоя карта?

– Нет, моя «Ведьма».

– Слишком прямолинейно, – фыркнула княжна.

– Зато суть отражает.

---

¹¹ По негласному закону-обычаю, появляясь в новой земле, любое разумное существо, обладающее колдовским даром, должно появиться на шабаше в пятницу на Лысой Горе. Это своего рода вежливость в отношении местного магического братства.

– Значит, думаешь, что «Гроза» – это сбудутся плохие предчувствия варлока?

– Очень похоже. Но... как ты это говоришь? Слишком прямолинейно. В этом случае «Гроза» лучше, чем, скажем, «Мельница».

– Ага, а «Скоморох»?

– «Скоморох»... да что угодно. Карта такая... как угодно ее толкуй. – Буяна начала собирать карты, но потом остановилась и взяла в руки «Скомороха». – Не люблю эту карту. Она означает, что все в жизни изменчиво. Сегодня ты князь, а завтра скоморох. Сегодня солнце, а завтра дождь. Сегодня ты жив, а завтра твои друзья пьют на твоих поминках.

– Ну зачем же так грустно? Ведь перемены бывают и к лучшему. Сегодня снег, а завтра первые ручьи. Сегодня в карауле ночь маяться, зато завтра день отсыпаться. Сегодня ты только на него заглядываешься, а завтра тебе в платье красном перед волхвом рядом с ним стоять.¹²

«Везет мне нынче на шутников», – подумала Буяна.

– Все так. Только вот... по моему опыту, «Скоморох» на счастье редко выпадает. Да и перемены всегда больше к худу.

Княжна не нашлась что ответить.

Ведьма посмотрела на так и несобранные карты, щелкнула пальцами, и картинки сами рядами стройными полетели на стол, на этот раз накрытый зеленым бархатом. Девушка шлепнула в колоду последнюю – «Скомороха», взмахнула рукой, и свет от множества свечей потускнел, оставив красавиц в мягком, чуть таинственном полумраке. Шар хрустальный запылал, заискрился фиолетом.

– Положи ладонь. – Ведьма, сияя горящим пламенем зеленым в очах, поднесла княжне колоду на ладони.

Княжья дочь протянула руку, тонкие пальчики коснулись разрисованных картинок. Те едва видно посвечивали изумрудным светом.

– Теперь сдвинь, – приказала колдунья.

Княжна повиновалась. В следующий миг в комнате разлился шорох заговора. Шумно вскипела вода в котле.

Карты уверенно полетели рубашками вверх на зеленое сукно.

– Девять к ночи нам расскажут, правду-истину покажут...

Ведьма отложила колоду, зачерпнула из котла зелья (надо ли говорить, что кипяток ее не обжег?) и выплеснула его на карты и княжну.

– И на милого укажут, боль-печаль не утаят.

Задрожали пламенем свечи, дернулся воздух внутри комнаты, полыхнуло зеленым пламенем. Под картами словно загорелся изумрудный огонь, а его отсветы вырвались наружу. Ведьма вновь села и начала, что-то тихонько приговаривая, переворачивать картинки. Княжна с вечными папочкиными идеями о ее замужестве уже порядком поднаторевшая в гадании, тоже заинтересованно склонилась над картами.

– Судя по тому, что я вижу, скорое замужество мне не грозит, – спустя мгновение произнесла она.

Ведьма раздраженно повела рукой – свечи ярче осветили комнату.

– Это уж точно. Судя по всему, это сватовское посольство – еще одна политическая интрига батюшки твоего. Меня только вот это смущает. – Колдунья постучала пальцем сначала по одной карте, затем по другой. – Видишь, «Лиса» вместе с «Колесом» да под «Башней». Это говорит, что посольство не просто так едет к нам именно сейчас и умысел их далек от мирного.

– Думаешь? Тогда почему карты так расплывчато об этом говорят? «Лиса», «Колесо», «Башня». Нет бы что-то вроде «Грозы» или «Топора»!

---

¹² Невеста на свадьбу традиционно наряжалась в красное платье. Свадебный обряд совершал волхв. Обычно на это выделялись строго определенные дни. Помогали, однако, и хорошие отношения с волхвом.

- Потому что мы их не о цели посольства спрашиваем, а о женихе твоём.
- Ну так давай по-новому спросим!
- На картах сегодня уже нельзя.
- Почему? – искренне удивилась Велислава.
- Не знаю. Чувствую так. Давай лучше в воду посмотрим.
- Так ведь не утро же.
- Знаю, но мы и не на жениха гадаем. Нальем в воду зелий разных...

Ведьма уже действовала, установив новый котел – с чистой водой – и понемногу – пять-шесть капель – выливая в него зелий из пузырьков, услужливо подлетающих к ней и после отправляющихся обратно.

В это время дружинники, обычно сопровождающие княжну в ее вылазках, вольготно расположились внизу. Сверху то и дело полыхало зеленым да раздавались шумы, но к этому охранники уже привыкли.

- Что-то Горыня сегодня злой был, – заметил кто-то.
- Багро – старший в группе – потянулся и отпил чая душистого.
- Да что-то там парни натворили на стенах.

– Переполошили весь дозор. Служба караульная вся на ушах стоит. Стража воротная от Горыни еле живая вышла, – не унимался молодец.

– Да слышал я что-то такое, – вступил в разговор еще один. – Вроде как с настенным оберегом, что с пером жар-птицы, что-то приключилось, а парни прохлопали.

- Говорят, Горыня даже ведьму нашу вызывал.
- А кого ж еще? – усмехнулся Багро. – Белозор-то по делам уехал.

– Я вот думаю, – самый молодой в группе (его так и прозывали все – Малыш) даже поежился, – не надумал ли Горыня учения какие затеять?

- Да пора уж, – хмыкнул кто-то. – А то совсем засиделись. Как в девках, чес-слово.

Все заржали, мигом представив себя в кокошниках и с косами, из окошка на проходящих мимо добрых молодцев заглядывающихся.

– А я слышал, – дружинник то ли по имени, то ли прозвищу Волчок хитро прищурился, – что воевода всех проверяет на ношение амулетов, что нам Буяна Гориславовна выдала. А у кого не надет, такое устраивает, ну вы знаете, сами не раз на своей шкуре гнев Горынин испытывали.

Дружинники тут же торопливо начали прохлопывать себя по груди, где под кольчугой должны были висеть обереги. Кто-то успокоился, кто-то пригорюнился.

– А что ты еще, Волчок, слышал? – вкрадчиво спросил Багро. Уж он-то знал, у кого спрашивать.

Дружинник усмехнулся, глядя в ждущие его ответа лица.

- Слышал то, что и вы все видели. Варлок из Белограда к нам приехал.
- Это который ведьме нашей приглянулся? – заржал кто-то.

- Ты, Гвоздь, потише бы, – раздраженно откликнулся старший. – Не ровен час, услышит.
- Да как?! Она ж наверху с княжной занята!

– Гвоздь, вот хороший ты воин, а только соображалки, видать, на все не хватает, – раздраженно проговорил Волчок, которого упомянутый коллега просто убивал своей простотой.

- Что?! – взревел охранник.

– Гвоздь, сядь! – приказал Багро. Гвоздь неохотно опустил на лавку. Старший перевел взгляд на Волчка. – А ты его не зли... Так, думаешь, варлок неспроста к нам пожаловал?

Волчок облокотился на стену в углу, в котором сидел, и пожал плечами.

- Думаешь, из-за него беда будет?! – На этот раз переполошился младшой.

Дружинник поморщился, но на этот раз соизволил ответить:

– Может, и из-за него, а может... Вот когда гонец из степи на коне взмыленном принесся, скажи мне, Малыш, он виноват в том, что басурмане идут?

– Нет, конечно.

– То-то! – веско поднял палец дружинник. – Вот и варлок этот, может, гонец таковой.

– Что-то ты перемудрил, Волчок, – засмеялся доселе скрытый в тени Након. – Нагнал страху да загадок, а по делу у тебя что есть? Только догады твои.

– А когда это мои догады нас подводили?

– Тихо! – прервал рассуждения старший, рубанув рукой воздух. – Прав или неправ Волчок, дело десятое. Только сдается мне, что нам и впрямь придется быть осторожнее.

– Это из-за чего? Из-за Волчковых измудрений? – презрительно фыркнул Гвоздь, хотя все остальные уже насторожились, озадаченные серьезностью Багро.

– Из-за того, что кто-то только что через забор перелез.

Вся группа подскочила и заученно растеклась по комнате.

– А может, это хахаль ведьмин? – не унимался Гвоздь.

– Вот по голове дадим, а потом спросим. – Након потащил из ножен саблю.

– И не думаю, что к ведьме хахали по семь человек ходят да с лицами закрытыми.

– Тогда, может, хозяйку позовем?

– Поздно. – Багро прислушался. – Приготовились.

Буяна дернулась за миг до того, как внизу что-то шумно упало и раздались крики борьбы и шум. Тут же схватила невесть откуда взявшийся корявый посох с зеленым камнем в оплетенном серебром остром навершии (при желании жезл вполне мог заменить справное копьё) и бросилась к лестнице.

– Сиди тут! – крикнула она княжне.

– Ага! Щас! – рывкнула та и помчалась следом... очевидно, спасти своих охранников.

Колдовать окаменение было некогда, и ведьма, махнув рукой, вернее, посохом, отчего свалился на пол здоровенный горшок с цветком, полетела к лестнице. Полетела – в буквальном смысле.

Внизу царил форменный хаос. Второй раз за день горница подверглась варварскому разрушению. Какие-то закутанные в темные, бесформенные одежды люди рубились с княжьими дружинниками. Двое из гостей незваных уже корчились от ран на полу. Наверняка они не ожидали застать здесь вооруженных людей и не сразу пришли в себя, чем охранники княжны и воспользовались. В тот же момент, что девушки появились на первой сверху ступеньке, со стоном рухнул на деревянный пол Након. Малыш вскрикнул, но сумел отбить удар, что по замыслу должен был добить дружинника.

Буяна поспешила вмешаться. В ее руке полыхнул камнем посох, и в двоих незнакомцев, против которых рубился младшой, ударили молнии разноцветные. Каково же было удивление ведьмы, когда они, скользнув по мужчинам, не причинили тем ни малейшего вреда.

Со свободной руки колдуньи посыпались огненные шары вперемежку с ледяными копьями. Волшебство исправно било по врагам, но вреда почти не причиняло, разве что отвлекало.

«Амулеты, так их растак!» – сообразила ведьма и тут же изменила тактику: на одного из тех, кто бился с Малышом, сверху свалился чугунок с кашей. Разбойник, смешно сведя глаза к переносице, свалился как колос подкошенный. «Ничего, Веденю потом задобрю».

В этот миг в сенях полыхнуло синим – и в дверях какой уже раз за день появился варлок. В мгновение ока разобравшись в происходящем, он воздел свой посох, и с него рванулись к «гостям» молнии почти бирюзового цвета. Как и в случае с волшебством ведьмы, такое колдовство врагам вреда не причинило. Чародей прищурился, потом замысловато взмахнул

руками, прокричал слова какие-то на языке незнакомом, и молнии, вновь полетевшие в нападающих, стали разить наповал.

Буяна тут же присоединилась к потехе.

Через пару мгновений все кончилось: ворогов просто не осталось.

Дружинники ошалело оглядывали «поле боя». Хоть Горыня и устраивал им учения в команде с ведьмой, но от столь впечатляющей демонстрации силы двоих магов было немного не по себе.

Первой пришла в себя княжна. Она толкнула колдунью в бок, указывая на лежащего Накона. Буяна бросилась к воину, а варлок тем временем уже проверял нападающих. Похоже, защитники перестарались: в живых из гостей незваных не осталось никого.

Правда, и дружинникам досталось. Как ни странно, почти целым – пара царапин не в счет – оказался только Малыш. Все остальные получили ранения – от серьезных до ерундовых.

Пока Буяна оказывала им помощь лекарскую, варлок осмотрел – и с помощью колдовства тоже – двор, но сообщников неизвестных ворогов не обнаружил: то ли сбежали, то ли больше не было.

Малыша отправили через «колодец» к воеводе с докладом. Пока княжна ругалась, а Буяна лечила, варлок пытался разобраться с тем, кто такие к ведьме на ночь глядя «в гости» пожаловали. Одежда явно была сделала так, чтобы не стеснять в движениях, но при этом скрыть от случайного прохожего фигуру или походку человека. Мечи же были простые. Такие могли и местные умельцы выковать, и любые другие. Но более всего заинтересовали варлока амулеты.

– Крепко ты кому-то насолила, Буяна Гориславовна, – поделился своим открытием Лихослав. – Разные есть камни и травы, колдовство останавливающие, но чтобы так искусно подобранные да мастерски воедино слитые, впервые вижу. Очень опытный чародей работал.

– Это не может быть твой знакомец? – не отрываясь от колдовского стягивания раны, отозвалась колдунья.

– Кто знает? Надо посерьезнее взглядеться, – почесал затылок чародей.

– А чем ты таким вдарил, что перебил амулеты? – вновь подала голос девушка.

– Потом... на ушко шепну, Буянушка.

«Буянушка» сердито глянула на нахала.

– Правда, краса, потом, это долго слишком, – сдавшись, уже нормальным голосом проговорил чародей.

В это мгновение в ворота заколошматили, и ведьма, высунувшись из окна и опознав в первых рядах пожаловавшей толпы князя и воеводу, поспешила отворить.

В следующий миг в ее доме воцарился еще больший бедлам, чем во время битвы. Князь, набнимавши дочь и уверившись, что с ней, ненаглядной, ничего не случилось, принялся за ведьму. Они на пару с Горыней, казалось, решили уморить ее, но выяснить, что же произошло. При этом Велислава постоянно норовила поделиться своим мнением, а Багро со своей лавки – вставить словечко.

– Сможешь их поднять, как в прошлый раз? – кивнул на мертвых Горыня, убедившись, что большего он от доведенной до белого каления ведьмы все равно не добьется, кроме разве что какого-нибудь на редкость пакостного заклятия. Воевода имел в виду – заставить трупы говорить. Колдунья это умела, чему Разбойный приказ не мог нарадоваться, отваливая ей неплохие деньги за подобные услуги.

Девушка с трудом подавила вздох облегчения.

– Надо посмотреть.

Она склонилась над телом ближайшего врага и принялась его разглядывать. Первое, что сделала, – сорвала и швырнула на печку отводящий колдовство амулет. Однако дело лучше не пошло. Колдунья подняла личико к склоненным к ней мужчинам и обиженно надула губки.

– Его какой-то дрянью, прежде чем отправить сюда, напоили. Не поднять.

– Дай-ка я посмотрю. – Варлок присел рядом и принялся водить большими своими ладонями над мертвым телом. Воздух вокруг ощутимо загустел и наполнился силой чародейской. – Это настойка из вереска, чечевицы, дробленого змеинового камня... мм... что-то еще. Толково приготовили. Боюсь, мне тоже не справиться.

Волшебники одновременно с одинаковой печалью в голосе вздохнули и поднялись на ноги. На всякий случай проверили остальные тела, но картина не изменилась.

Раненых уже укладывали на раздобытые где-то телеги. Княжна что-то торопливо втолковывала Багро, – наверное, утешала и благодарила.

– Так, Буянушка, свет мой ясный, посмотри на меня, – приказал князь.

Ведьма оторвалась от созерцания печки, что видела каждый день, и посмотрела на Ладимира Мечеславовича.

– Значица, так, красавица, оставляю тебе полдюжины моих молодцов. Будут тебя охранять.

– Что?! – возмутилась колдунья.

– То! – выверился князь. – Будут! Тебя! Охранять!

– Да я лучше умру! На кой мне столько мужиков в доме?!

– Буянушка, – примиряюще пророкотал Горыня, – тебе незнамо как повезло, что Велислава с охранниками оказалась в твоём доме. Судя по амулетам, подготовились они к встрече серьезно. А раз так, то могут и повторить попытку.

– Да я их по стенке размажу!

– Да это тебя, девчонка ты неразумная, чуть по стенке не размазали! Коли б не было здесь моих ребят! Пока варлок не появился, вообще колдовство твое не действовало!

– Действовало! Я одному из них по голове чугунком с кашей засветила! Просто надо было волшебство по-другому использовать!

– А кашу-то не жалко? – вкрадчиво подначил варлок.

Ведьма взглянула на него и, внезапно рассмеявшись – совершенно невозможно было удержаться, – прислонилась к стенке и сползла, закрывая лицо ладонями.

– Ладно, пусть остаются, – когда смогла, смиловилась она. – На одну ночь.

Поняв, что большего от сварливой колдуньи все равно не добиться, князь кивнул.

– Завтра, вернее, уже сегодня зайдешь. К обеду. Угощу тебя пряниками заморскими.

Буяна угукнула в ответ.

– Я бы тоже хотел остаться, – вдруг произнес варлок.

– Что?! – У ведьмы возникло отчетливое ощущение, что история повторяется.

– Очень опасаясь, что вороги, кто бы они ни были, подумают, что мы решим, что этой ночью нападений можно не опасаться, и попробуют что-то более серьезное учудить.

– Да, ты прав, – важно кивнул князь. – Оставайся.

– Что?!?! – на несколько тонов выше. – А меня вы не хотите спросить?! – аж задохнулась от возмущения ведьма.

– Буяна, кто, в конце концов, тут князь?! – не выдержал Ладимир. – Я! Вот и будь добра подчиняйся!

– А чей этот дом?! Мой! Так что что хочу, то и буду делать! И никаких варлоков тут не будет!

Князь схватил ее за рукав и поволок в сени.

– Что ты себе позволяешь?! – прошипел он на ходу. – Ты чего мой авторитет перед варлоком чужеземным подрываешь?!

– Ты не понимаешь! Княже, помилуй! Не могу я, чтобы он остался!

– Почему?! – оторопел Ладимир.

– Я ему нравлюсь! – отчаянным голосом прошептала ведьма.

Пораженный глупостью высказанного, князь уставился на впервые при нем покрасневшую ведьму. И захохотал.

Колдунья насупилась.

– Ох, потешила, – вытирая слезы, попытался успокоиться князь. – Ладно-ладно. Молчу. Но скажи мне, ради богов, почему Лихослав остаться не может? Неужто думаешь, что приставать будет, да не отобьешься? Или, – мужчина хитро прищурился, – может, боишься, что не захочется отбиваться?

– Я просто не хочу! – Ведьма топнула ножкой, от чего сверху что-то посыпалось.

– Ну уж нет, моя милая. Мне своих чародеев терять не хочется. А поскольку опасность и вправду есть... молчи и слушай!.. Поскольку опасность есть, пусть варлок на эту ночь останется. И меня не волнуют ваши глупости. Это приказ. Все, я пошел. Жду тебя завтра.

И Владимир поспешил ретироваться, пока ведьмочка не пришла в себя и не задурила ему в спину чего-нибудь тяжеломagicеского.

Разумеется, ничего бросать князю в спину Буяна не стала. Хотя ой как хотелось.

Оставив дружинников с телами ворогов поверженных разбираться и устраиваться, ведьма кивнула варлоку на лестницу. Подойдя к одной из светлиц на верхнем этаже, колдунья толкнула дверь и вошла внутрь со словами:

– Это твой покой на сию ночь. – Помолчала и добавила: – Ее остаток.

Потом похлопала рукой по сундуку:

– Тут постель.

На этом посчитав свои обязанности хозяйки выполненными, она решительной поступью направилась к выходу. Однако не тут-то было: варлок перехватил ее за запястье:

– Что-то не так, Буянушка?

Ведьма попыталась вырвать руку. Сделать это без колдовства не получалось.

– А то ты не знаешь!

– Не знаю – скажи мне!

Колдунья еще раз дернула руку на себя.

– Ты злишься, что я напросился остаться у тебя?

– Да! И на то, что ты разрешения не у меня просил, а через князя!

– Я знал, что ты откажешь!

– Конечно, отказала бы!

– Так чего ты злишься?! Я действительно считаю, что ты в опасности, поэтому и сделал то, что посчитал необходимым, чтобы потом не жалеть. Я, знаешь ли, считаю, что жизнь дороже капризов сиюминутных. Даже твоих.

– Все равно ты не имел права так поступать! И ведь что самое противное – ты ни капли не сожалешь!

– Нет! Я сделал то, что посчитал более разумным в этой ситуации.

Ведьма зло посмотрела на варлока и прошла мимо него к двери, благо руку он все-таки выпустил. Выпустить-то выпустил, но тут же вновь ухватился за нее:

– А как насчет поцелуя на ночь?

Буяна, не раздумывая, замахнулась для пощечины. Варлок тут же перехватил ее вторую руку, поднес ее к губам и поцеловал каждый пальчик, пока колдунья оторопело смотрела на это безобразие.

– Благодарствуй, именно это я и ждал.

На этих словах ведьма все-таки пришла в себя, вырвала руки, бросила в варлока здоровенный огненный шар, который, впрочем, никакого вреда тому не причинил, и ушла, громко хлопнув дверью.

Чародей подумал, что намного тяжелее, чем заклятие пламенное, будет погасить пожар в сердце... да и в теле. А ведьма подумала: «Ну и денек!»

Ночь, несмотря на все страхи варлока, прошла спокойно. Утро же наступило восхитительное. Свежее, нежное, щедрое на краски. Из окна веяло прохладой и заманчиво светило солнышко. Дом просыпался. Город же за воротами уже бурлил, но не настолько, чтобы нарушить чем-то томную сладость последних минут, что Буяна нежилась в постельке.

Почувяв, что хозяйка проснулась, в светлицу пожаловал Веденя. Принес молочка и ягод – малина так сама в рот и просилась. Девушка окончательно уверилась, что жизнь просто замечательна.

– А что, хозяйка, надо сегодня на базар идти, – подал голос домовой.

– Надо, Веденя, надо, – умильно согласилась колдунья. – Ты список составь, все что скажешь куплю.

– Как же, как же. Составил ужо.

– Не разоримся?

– Не разоримся. Ты ведь еще амулетики дружинникам княжеским на осмотр взяла, так?

– Так, – не стала спорить она. И откуда он все знает?

– Тоже денежка. Князюшка всегда хорошо платит. Да и так у нас много чего есть. А денежка за амулетики все расходы покроеет: и всегдашние, и что вчера убыток принесли. Я вот даже думаю...

– Ну говори же, не бойся. Я сегодня добрая.

– Ну так это... Надо бы хозяйство расширять.

– Да куда ж его расширять-то, Веденя? Мы вот и кота завели, как ты хотел. Двор вон какой. Коня мне не надо. Будет же простаивать без дела. Кто тебе еще нужен?

– Ну вот корову было бы хорошо, – мечтательно закатил глазки домовой.

– О нет, Веденюшка, только не корову! Ну куда мы с коровой! Да нам и так каждый день и вечер молоко, творог и масло люди приносят, и мы за это медяшки не платим!

– Ну собаку там, на худой конец.

– Зачем нам собака? У нас же Череп есть!

– А вот бы была собака, то не прорвались бы бесшумно те тати!

– Веденюшка, я просто защиту колдовскую перестрою, и так будет шуметь, коли сунется кто, сам не рад будешь!

– Ну вообще-то я приглядел уже...

– Что?! Собаку?!

– Нет, пополнение.

– Какое пополнение? Не пойму ничего.

– Ну это... чтоб и тебе было хорошо, и нам.

– Кому – нам? Кого ты присмотрел? Говори яснее, Веденя.

– Ты только сразу не кричи, хозяйка, а обдумай все хорошо. У тебя иногда это получается.

Мужа тебе надобно, хозяйюшка!

– Какого мужа?

– А вот это я и присмотрел. Варлок-то этот ничего так. Выходи за него, хозяйка. Мужик хозяйственный, сразу видно. Полезен в доме будет. Опять же конь есть. А это сразу хозяйству прибыток. Конюшню построим, амбар, зерна накупим. Кобылку ему, чтобы не скучал, приобретем. Жеребята опять же. Амбарника я знакомого знаю. Переманить можно. Буду над ним хозяином ходить. Дворы объединим, огородик сообразим. А там, глядишь, и детишки пойдут. А это опять же токмо польза. Видишь, сколько хорошего! А какая у него Уладочка!

Ведьма почувствовала, что звереет.

Глянув, как загораются зеленым чародейством глаза хозяйки, домовой тихо ойкнул и мигом сгинул.

Буяна же принялась думать, как найти это чудо, но потом плюнула и еще долго смеялась, вспоминая особенно удачные моменты в манифесте рачительного домового.

Спустившись через какое-то время вниз, ведьма обнаружила, что все дружинники уже пристроены к хозяйственным делам во дворе: кто дрова колет, кто воду таскает, кто солому на крыше сарая меняет, кто двор подметает. Судя по расположенности Ведени, это варлок их так озадачил, решила колдунья.

В горнице сидел один Лихослав. На нем кроме штанов была надета только неподпоясанная домашняя рубаха, подчеркивающая широкую спину. «А хорошо, что он не костлявый», – невесть отчего подумала колдунья. Волосы русые он сегодня в косу не собрал, так оставил. И выглядел как-то необычайно уютно. Буяна даже умилилась: будто он не первый год в дом вхож, будто она уже тысячу раз вот так его видала. Вообще, хотелось подойти к нему, обнять, прижаться к спине его и пожелать...

Хоть и сидел варлок к лестнице спиной и скрипа никакого под ногами волшебницы не было, а стоило девушке начать спуск, как:

– Доброе утро, милая... – Вот именно этого и пожелать. – Смотри, какое солнце поднялось! Загляденье!

Девушка обогнула чародея и прислонилась боком к столу перед ним. Он поднял на нее чистые, невинные глаза, которые не давали ни малейшей возможности к чему-нибудь придраться.

– Как спалось? – немного хрипло спросила она.

– А как может спать, когда я знаю, что через стенку ты в постельке почиваешь?

Буяна подумала, что зря вчера она ограничилась одной пощечиной, вернее, ее попыткой. «Он нарочно меня дразнит», – подумала она и ласково улыбнулась.

– А мне – так прекрасно.

Варлок одобрительно на нее смотрел.

– Не стой, милая, садись, творожку со сметанкой да вареньицем откушай. Чаек скоро будет. Не стесняйся меня, краса ненаглядная.

«А может, и прав Веденя – где я еще найду мужика, что сможет и за пояс меня заткнуть, и слово ласковое молвить, да к месту. И частенько первое оно же второе. Хм, да что же это ты ко мне как лист банный пристал?»

Ведьмочка нашла все обещанное, расставила на столе и присела. Варлок подпер щеку рукой, разглядывая все это добро. Буяна снова ему улыбнулась:

– Ну поведай мне все-таки, что ты вчера хотел рассказать, до того как мы тут бои потешные устроить сподобились!

Лихослав словно задумался: на самом деле просто любовался да наслаждался.

– Да странное кое-что обнаружил я в доме, что мне князь отрядил. Очень уж странное. Хотел с тобой посоветоваться. Может, это обычаи в Зареславе такие, да я просто не знаю их.

– Что же такое там странное? – пожал плечами колдунья, засовывая в рот огромную ложку с творогом, обильно политым черничным вареньем. – Я много раз там бывала и ничего странного не видала.

– А за досками смотрела?

– Какими досками?

– Какими стены обшиты изнутри. Кстати, зачем?

– Нет, зачем мне доски-то отрывать?

– Вот это и показать хочу.

– Хорошо, зайду посмотрю. Только сначала мне надо на базар, а позже – к князю. Подождут твои доски до обеда?

– Подождут, Буянушка.

Ведмочка поставила рядом с собой кружку и вопросительно посмотрела на варлока, тот кивнул. Разлив чай, они еще какое-то время сидели молча, похлебывая оный да закусывая плюшками-ватрушками. Солнышко ласково светило в оконце. Посвистывала-заливалась пташка какая-то. Со двора раздавалось азартное хэканье рубящего дрова дружинника. Шваркала метла по земле утоптанной. Кто-то смеялся вдалеке. Белые красным расшитые рушники покачивались от ветерка легонького. Хорошо было до невозможности.

– А ведь этой ночью меня могли убить. – Буяна глянула в кружку и укусила ватрушку.

Варлок внимательно смотрел на колдунью, ожидая продолжения. Казалось, он может так просидеть вечность, столько терпения и понимания было в его взгляде.

– Лихослав, я же простая ведьма. Я хоть и люблю позабавиться иногда и с дружиной в бой вылететь иной раз не откажусь, да только не мое это – опасность ожидать из-за каждого угла. Видеть убийцу в каждом прохожем, вечно готовиться к нападению. Я дом свой люблю. Домовой у меня хороший. Даже вот Кузьму, кота, люблю, хоть и ссоримся мы с ним по пять раз на дню. Нравится мне людям помогать: лечить, гадать, с нечистью разбираться, заговоры на всякое доброе дело творить.

Она замолчала.

– Я понимаю, милая. Все понимаю.

– Понимаешь? Да как же ты можешь понять? – Она подняла на него глаза раскосые зеленые. – Думаешь, я тебя не знаю? У меня и подруги в других княжествах есть, да и на шабаши я летаю каждую луну. Знаменитый варлок Лихослав – гроза злодеев и чудищ! Сколько битв ты прошел? Сколько раз с чудищами разными сходилась не на жизнь, а на смерть? Сколько дорог тобою исхожено? Сколько шрамов у тебя на теле? Сколько – в памяти? Что за жизнь это такая – путь бесконечный, дорога, вдаль уходящая? Что за сердце такое – что только чужбине радо? Разве понять тебе ведьму, которая только в гости да на шабаш летает?

В глазах варлока заворчалось что-то – то ли зверь лютый, то ли сердце-боль потревоженная.

– И откуда ты все знаешь, ведьма простая? – Тих был голос его, угрюм. – Мордашка миленькая, а головка твоя как ларец волшебный: сколько времени есть – открывай его, а все равно дно потайное еще останется. Что могу я сказать тебе, милая? Глаза твои все видят, так пусть и правду-истину в словах моих усмотрят. . . Я же начинал как все: добрым молодцем, что только подвигов жаждет. Сила колдовская и тогда была немереная. Нравилась мне жизнь такая беспутная. По горам, по долам, по дорогам и тропиночкам, из города большого белокаменного в деревеньку махонькую. От одного подвига к другому приключению, с одного пира на другую гулянку, меда да пиво, девки загульные да молодухи красивые на сеновалах. Колдовать да мечом махать. Было в этом что-то такое – хмель вольницы, дурман ветра с далей дальних, стук копыт доброго коня, что как друг. Удадь молодецкая да сила чародейская. Вороны мудрые да клубочки-проводники путь укажут. Дажьбог-дедушка с солнышка тучи рукою отведет. Перун милостью не обойдет. Чародеи, что постарше, меня всегда привечали. Князя лаской не обходили. Ничего другого мне и ненадобно было.

Буяна зажмурилась. Все так, все верно.

– Только, милая, всему приходит конец. Как всему есть и начало. Нелюба мне стала такая жизнь. Нагулялся. Дом теперь хочу свой. Большой да ладный. И чтобы яблонька у окна росла. Собака, друг верный, охраняла. Да и Ворон уже не такой молодой. Он конь хоть и чародейский, а все равно тяжело столько лет дороги копытами утаптывать.

– Ты хочешь меня убедить, что решил остепениться? – фыркнула Буяна.

– Не думаю, что тебя можно в чем-то убедить. Не буду и стараться. Я говорю так, как дело есть. Я давно решил где-то осесть. Дом сладить. Князь Белограда попросил меня с нечистью непонятной разобраться. Думал, вот разберусь и буду место себе искать. Оказалось, что к этому

делу еще и маг Хотобуд причастен. За ним надо сначала отохотиться. Вот его поиски и привели меня сюда.

- Зачем ты мне все это рассказываешь?
- Ты спросила, милая. Я и отвечаю.
- Не о том я спрашивала.
- А не это ли в ответ услышать хотела?
- Я тебя не понимаю.
- Тогда отчего прячешь очи свои зеленые?

Буяна тут же вскинула глаза, но улыбку варлока не смогла выдержать и расхохоталась.

Выскочила из-за стола, шутивно погрозила пальчиком и позвала:

- Веденя, ты где? Кажись давай! Все равно знаю, подслушиваешь где-нибудь!
- И ничего не подслушиваю! – пробурчал домовой, появляясь около лавки. – Бдю!
- Бдит он! – хмыкнула ведьма. – Список давай!

Девушка повернулась вновь к варлоку, да так, что взвились юбки:

- Мы поговорим еще. Я зайду к тебе, как освобожусь от дел.
- Я подожду, – ответил он, поднимаясь.
- Почему я не сомневаюсь? – проворчала она, выходя из горницы.

Вооружившись списком на бересте – еле в руках поместился, – Буяна отправилась на базар. За ней гордо шествовали на выросших ножках пять корзин здоровенных. Жители Зареславы уже давно привыкли к манере ведьмы ходить за покупками, ребягня, правда, до сих пор забавлялась.

– «Купишь у Трогни горшков...» – разбирала вслух девушка каракули домового. – Вот скажи мне, Милана, откуда он все знает?

Перед базаром колдунья зашла к знахарке. Они долго судили-рядили по поводу травок и прочих корешков, что были Милане дороги как родные дети.

– Ты радуйся, что он такой. Не представляю тебя самостоятельно ведущую хозяйство. О, подожди! Мне, уважаемый, вот эти груши. Нет, эту не надо. Она мне не нравится. Плевать, что хорошая. Она мне как знахарке не нравится.

Манера Миланы выбирать из того, что росло на земле, приводила ведьму в умиление: более придирчивой покупательницы не видел ни один базар. Поэтому по лавкам они всегда ходили вместе. Тем паче что знахарка ничего не понимала во всех остальных вещах.

– Неправда! Я очень даже хозяйственная! – возмутилась ведьма.

– Это ты будешь варлоку говорить! Так ты мне расскажешь наконец про вчерашнее? – Милана оставила несчастного торговца в покое и любовалась грушей как родной дочерью.

Девушки двинулись дальше. С ними здоровались и всячески зазывали к себе.

– Ты про нападение?

– Я про варлока. Про нападение я и так все знаю.

– Как?!

– Забегала к тебе с утра, когда ты, по словам варлока, «почивать изволила».

– Предательница!

– Почему? Уж и поговорить с человеком нельзя. Он мне все про нападение рассказал, а то дружинники, что у тебя сегодня за бесплатных батраков, такого понаплели! Мол, вы с варлоком чуть ли не целую орду ворогов под корень извели да вообще весь город спасли, разве только что не солнце из пасти змея Волоса вырвали.

– Это они умеют! – засмеялась Буяна. – Баять-то. Особливо перед красой такой!

– Так что с варлоком?

– А что с ним?

– Понятно, – протянула знахарка, глянув на подругу, а потом сразу азартно закопавшись в пучках каких-то трав. – Вот держи, это самое то для тебя.

Ведьма скептически осмотрела пучок пожухшей петрушки.

– Что это? На кой мне петрушка? Да еще такая.

– Дурная! Это «мохнатая крапива»! Сама же просила!

– Это?! Боги! Я ее раньше только в зельях видела! Ну, Миланушка, может, все-таки сваришь «светлую сень»?! Ну не умею я это зелье варить! Напутаю еще что! Ведь полгорода снесет!

– Лентяйка! – ругнулась названная сестра, бросая пучок в свою корзину.

– Просто у тебя лучше получается! – не преминула подольститься ведьмочка. – О, вот мои горшки. Ну здравствуй, Трогня!

– И тебе поздорову, Буяна Гориславовна!

– Как твоя женушка, Трогня? Здорова ли?

– Здорова, слава богам и твоему мастерству, ведьмушка.

– А детишки?

– И детишки, тьфу-тьфу, не сглазить!

– Не сглазишь, – засмеялась ведьмочка. – Ох, смотри, Трогня, заказал мне Веденя прикупить у тебя пять горшков...

Пока Буяна по бересте перечисляла все необходимое, купец расплывался в улыбке, а корзины радостно подпрыгивали, выражая свою готовность все это дотащить.

До обеда прошлявшись по базару, накупив кучу всего нужного и ненужного – женщина, она в конце концов, или кто? – Буяна взвесила порядком отощавший кошель и подумала, что пора зайти к князю. Денежек ей хватало, но девушка она была рачительная и следила, чтобы они просто так – без возврата – не уходили. Отправив корзины домой своим ходом, колдунья решительно направилась к княжьему терему.

– Да слышал я об этом заговоре, – князь нервно расхаживал по горнице, – слышал. Только до сих пор диву даюсь на глупость этой затеи!

Буяна сосредоточенно поедала «пряники заморские», и в самом деле оказавшиеся невероятно вкусными. Горыня внимательно – ну прямо пес преданный! – следил за метаниями князя.

– Вот на что они рассчитывали? Нельзя продержаться только силой оружия!

– Или силу надо иметь значительную, – вставил воевода.

– Ты прав, батюшка, – протянула появившаяся из-за занавеси Велислава.

– Опять подслушиваешь! – аж подпрыгнул от неожиданности Ладимир.

Ведьма громко икнула, чуть не подавившись, вспомнив, как сама только этим утром распекала домового за излишнее любопытство. Княжна недобро глянула на Буяну. Та сделала знак: мол, молчу-молчу! – все равно говорить не было никакой возможности: рот пряником забит.

– Ты ж не позвал меня на совет военный!

– Да какой это совет военный! – отмахнулся Ладимир Мечеславович. – Это вот Буяна пришла. За денежками да решить, что с варлоком заезжим делать.

– Что с варлоком делать, я ей уже рассказала! – намекнула княжна на книжечку «с названием на „К“ как-то».

– Я не о том! – сумела-таки выговорить возмущенная ведьма.

– Да молчи уж! Ну ладно, к делу. Так вот, отец, я так думаю, что ты прав, конечно. Только силой оружия людей не удержишь. Но ведь всегда есть те, кому чего-то да не нравится.

– Такие всегда есть. Нрав у них такой, – согласился князь.

– Вот пришел новый человек к власти. Подати снизил. Купцам сборы какие убрал. Мастеровым что-нибудь пообещал. Воинам к жалованью прибавку выдал. Казнил недовольных.

Остальным блага разные посулил. Праздник с обильными медами да угощениями устроил. Вроде как и не плохой уже.

– Но у нас и так все для людей сделано. Подати ниже нельзя. Да и в остальном благодать.

– Ты опять же прав. Новый правитель тоже бы потом к такому же пришел, постепенно тебе подати повышая или новые вводя. Но уж поздно было бы.

– Страшные ты вещи, дочь моя, говоришь.

– Я, может, и преувеличиваю. Да только к тому, чтобы мы перестали воспринимать угрозу как сплетню досужую, а озаботились, как такого не допустить.

– Эх, разумна ты, девочка моя! Ум у тебя государственный! – умилился князюшка.

Велислава зарделась от удовольствия.

– Я со своей стороны стражу в очередной раз тряхнул. Чтоб бдели как положено! – Горыня явно был доволен. Уже много лет княжество ни с кем не воевало, а он все-таки богатырем был знатным. – Дозоры удвоил. Дальние дозоры тоже. Надо между хорошенько осмотреть. Нет ли где ворога. Только гложет меня сомнение великое: если заговорщик – чародей, то, может, врагов и не у границ ждать надо?

– Буяна, дожевывай пряник и скажи что умное, – распорядился князь.

Ведьма обожгла его зеленым кошачьим взглядом.

– Не думаю, что так, Горынюшка, – демонстративно медленно дожевывая, наконец выдала она. – Ты, конечно, знаешь, что чародеи способны перемещаться с места на место мгновенно. «Колодец» там прорубить или тропу тайную создать. Но! – Она выдержала паузу. – Провести так людей или каких других существ, силами чародейскими не наделенных, можно очень мало. Армию собрать – это не один год понадобится. А неужто армию чужую в центре княжества не заметят?

– А что за существа это такие? Из Нижнего мира-то, – любопытствовал Ладимир Мечеславович. – Разве в них сил чародейских нет?

– Да нет в них никаких сил чародейских! Люди как люди. Выглядят страшно, это да. Силой, говорят, большой обладают. Вон как Горыня в молодости. А так ничего в них особенного. Разве что души у них нет. А значит, и жалости они не знают, добра тож. Только силу и признают. Правда, не слыхала я, чтобы их можно было бы колдовством подчинить. Вернее, надолго подчинить. Скорее – посулить что. Но на мой взгляд, только дураки могут с ними связаться. Однако, по моему самому искреннему мнению, люди, даже заговорщики, несмотря на их поступки, дураками в большинстве своем не являются. А если дела их кажутся нам неразумными, то, скорее всего, мы просто чего-то не знаем.

– Да-а, умеешь ты, Буяна Гориславовна, утешить, – протянул князь.

– Утешают пусть тебя девки дворовые, – вяло огрызнулась та. – А меня не отпускает чувство тревожное. Будто мы не видим чего-то. Кто амулет-оберег с пером жар-птицы испортил? Для чего? Как они – или он – хочет город захватить? Откуда нечисть эту иномирную ждать? Кто на мой дом нападение устроил? И что происходит с Чудовой Чашей, если происходит вообще?!

– Кстати, когда Белозор вернется? – встрепенулся князь.

Горыня пожал могучими плечами.

– Кто ж знает, сколько ему эту Черную Немочь ловить? – ответила Буяна. – Да и амулет пока обновишь!

– К тому ж, – хмыкнул воевода, – у него там в Чудовой Чаше зазнобушка.

– Это кто ж в Чудовой Чаше жить отваживается? – удивился князь. – Неужто Баба-яга? Ну Белозор! Ну смельчак! Это ж надо!

– Нашел время! – пробурчала княжна.

– Время всегда неподходящее, – засмеялся Ладимир. – Всегда есть беды да горести. Если бы люди ждали, когда время позволит, род людской прервался бы, не начавшись. А что твои

молодцы, Горыня, вызнали про амулет да про подводы торговые, что шли через ворота, пока амулет был неисправен?

– Новых молодцев, что ты, Буянушка, не знаешь, я буду сегодня с амулетами нашейными присылать. Чужих на стене было три человека. Тоже как-нибудь их к тебе направлю или к себе позову. А вот оберегов у двоих ребят во время караула не было. Уж прости мне вину мою, князь-батюшка, недоглядел.

– Правильно варлок сказал: расслабились мы все, – посетовала ведьма.

– А что с купцами?

– А что с ними? Охрана ничего запрещенного не заметила, а список я тебе принес, кто в это время проезжал.

– Я постараюсь проверить, княже. Но многого не обещаю. Это все равно что иголку в стоге сена искать, песчинку в траве.

– Хоть что-то. – Князь покачал головой. – Конечно, нехорошо так говорить, но я даже рад, что на тебя вчера напали. По крайней мере, у нас есть хоть не одни подозрения! Не удалось узнать, кто это такие?

Ведьма и воевода одновременно отрицательно покачали головами.

Поговорили еще немного и разошлись: что толку переливать из пустого в порожнее?

Заскочив домой, оставив денежки и выслушав восторги вперемежку с причитаниями Ведени по поводу покупок, Буяна поскакала к варлоку. Тот встретил ее более чем радушно. Только что-то показалось ей странным.

– Ты что, так и не убирал здесь? – спросила она, отмахиваясь от паутины на крыльце.

Лихослав покачал головой.

– Нет. Идем, покажу почему.

– Что-то вид у тебя невеселый.

– Я кое-что обнаружил и боюсь, что убирать я тут уже не буду. Разве что в другом смысле.

– Это в каком? – восходя на крыльцо, спросила ведьмочка. Настроение у нее было прелюбопытное.

– В колдовском, – малопонятно буркнул варлок.

Наконец они вошли внутрь дома. «Изба как изба, – подумала Буяна. – Только досками зачем-то обитая».

– Сначала я увидел одну отлетевшую доску. Потом пришлось отодрать и остальные. И посмотри, что я нашел. – Чародей подошел к одной из стен и отодвинул уже порядком потрескавшиеся доски.

Ведьма даже не сразу поняла, что это такое. Весь сруб усеивали грубо вырезанные на дереве рисунки. Она подошла ближе.

– Ничего не понимаю, – прошептала девушка, протягивая пальцы.

– Не дотрагивайся! – Варлок перехватил ее руку. – Мы не знаем, что это такое, так что лучше не трогать.

– Но я не чую никакого волшебства!

– Ты и не должна. Полагаю, этот дом покинули, когда ты поселилась рядом.

– Не помню, – оторопело произнесла колдунья.

– Тебе знакомы эти рисунки?

Девушка вновь присмотрелась. Картинки были явно сделаны ножом или чем-то подобным. Очень неровно и неряшливо. Такие со временем здорово разъедает сырость. Да и вообще, к ним всякая дрянь хорошо пристает. Буяна чувствовала, как дереву было больно.

– Некоторые я знаю, но очень немногие.

– Я тоже. Но смысл очень нехороший. Это странная смесь чародейских знаний разных народов. Я распознал несколько раз повторяющийся знак Смерти, причем этот знак взят из разных языков и колдовских школ. Смотри, что я еще нашел.

Варлок подвел Буяну к углу.

– Видишь, это ненастоящий сруб. Это как бы дом в доме.

Действительно, внутри того сруба, что был снаружи, был еще один – поменьше.

– Но зачем?! – возопила Буяна.

– Кажется, я знаю. Смотри на край. Видишь, как неровно дерево срублено?

– Да. Ты хочешь сказать, что дерево на дом пилили, а не рубили? – догадалась ведьма.

– Да. Более того, знаешь, что это за дерево?

– Осина! – уже догадалась, к чему идет, ведьма.

– Верно, моя девочка. К тому же видишь, бревна положены выемкой вниз, а не как нормальные люди делают.

Варлок с ведьмой нашли во втором – внутреннем – срубе еще более десятка неправильностей.

– Не понимаю, это все равно что Смерть да нежить какую в дом призывать! – всплеснула руками Буяна.

– Я тоже так подумал, – варлок нахмурился, – поэтому и полез в подпол.

Внутренне холодея от дурного предчувствия, Буяна двинулась за Лихославом в дальний конец единственной комнаты.

Реальность превзошла ее самые худшие опасения. Колдовством варлок сдвинул верхний пласт земли, и на свет показались кости... Человеческие! – сразу же определила колдунья.

– О боги! – Буяна отшатнулась. – О боги! – еле прошептала она.

Лихослав ласково – без малейшего намека на страсть – обнял ее. Девушка благодарно уткнулась в его рубашу. Немного оправившись от потрясения, вновь опустилась к дыре в полу и снова принялась разглядывать останки.

Через какое-то время они вышли из дома, бывшего, по сути, большой братской могилой для безвинно сгинувших от рук неизвестных злодеев.

– Ты видел, что они с ними сделали? – Ведьма закрыла лицо руками. – Там даже кости порублены! А сколько пепла! Наверняка это тоже от тел. Лихослав, что же за злыдни такие?!

– Успокойся, милая! – Варлок шагнул к Буяне, но она отодвинулась.

– Надо разобраться, что тут творилось.

– Знаки я перерисовал, постараюсь в книгах поискать да с друзьями-чародеями посоветуюсь.

– В моих книгах такого точно нет. Но я знаю, у кого спросить. Уж она-то о Смерти многое знает!

– Это у кого ж?

– У Бабы-яги, – немного нервно засмеялась Буяна.

– У кого?!

– Собирайся завтра с утра, если хочешь составить мне компанию, – окончательно повеселела ведьмочка. – Как думаешь, можно прислать людей, чтобы похоронили этих бедолаг?

– Давай пока обождем. Не хотелось бы погубить важное, что может помочь разобраться со всем этим ужасом.

– Одно ясно – тебе нельзя оставаться в этом доме, – кивнула Буяна.

– Я тоже так думаю, – улыбнулся варлок. – Не пригласишь ли к себе? Заодно и обороню, если еще «гости» пожалуют.

Ведьма возмущенно воззрилась на нахала. Ну что тут было возразить?

Буяна домой вернулась первой. У ворот ее уже ждал посланник от Горыни. Наскоро проверив его на предмет причастности к порче амулета, она забрала обереги стражи да отправила его восвояси.

Приведший коня варлок застал ее стоящей по центру двора с раскинутыми в сторону руками. Ступни ее были босы, а ладони повернуты к небу. Чародею не надо было объяснять, что она обращается к Земле-матушке и Небу-батюшке. Он перепоручил Ворона обрадованному Ведене, а сам тихонько отправился раскладывать вещи в комнате.

Когда он спустился во двор, то застал девушку в той же позе. Впрочем, скоро она закончила волшбу и, опустив руки, отправилась осматривать двор, вернее, его границу. Скоро Лихослав с интересом разглядывал несколько весьма увесистых булыжников.

– Знаешь, что это такое?

– Полагаю, камни побывали в отваре разрыв-травы?

– Точно. Камень пористый, хорошо пропитался. До сердцевины. Подложили, гады, на меже. Это разорвало защиту колдовскую. Поэтому ты и смог так легко преодолеть тогда забор, а я ничего и не заметила.

– Да-а, взялись за тебя... Даже разрыв-траву не пожалели, – укоризненно покачал головой варлок. – Есть какие-нибудь идеи, кто это может быть, если не Хотобуд?

Девушка пожала плечами.

– Я, конечно, напакостила многим, – ведьма я али нет? – но чтоб так тратиться! Даже приятно. – Колдунья ухмыльнулась. – Мне вот интересно: они заранее все спланировали или я успела что-то натворить, что они резко меня заопасались?

– Волхва просто убрали из города...

– Если действительно убрали, – хмыкнула колдунья. – Это тоже непросто. Оберег, что у Чудовой Чащи висит, не так уж легко испортить. Да и сама эта Черная Немочь... Тебе известны случаи ее подчинения?

– Подчинения – нет, но приманить ее можно. Меня другое заботит. Почему камней несколько? Ведь, насколько я понимаю, защита у тебя стоит круговая. Стоит в одном месте порвать, круг и распадется.

– Да, так. Только тех защит три у меня стояло, – похвасталась Буяна.

– Три?! Сильно! – восхитился варлок. – А чем поддерживаешь?

– Ха! Я тоже не все время сидела в Зареславе. Это ж я добыла перья жар-птицы для настенных амулетов!

– Серьезно?! Расскажешь?!

– Расскажу. Вечером, хорошо?

– Договорились, краса! Я полагаю, такое же перышко у тебя и для себя припрятано.

– А то! Зря, что ли, старалась?.. Я в чем-то даже рада, что защиту порушили, а то мне давно хотелось кое-что в ней поменять, да все руки не доходили.

– Вот и попробуешь. Но все равно непонятно. Камней-то гораздо больше, чем надо.

– Может, просто на всякий случай? Мало ли что может случиться – вдруг не упала бы защита.

– Чародею это не надо. Он, задайся целью, точно узнал бы, где и как защита твоя стоит.

– Значит, это или совсем слабый чародей, или... и вовсе не кудесник.

– Вот! Второе мне кажется более на правду похожим. Значит, в городе нашего злыдня еще нет.

– Но есть его подручные... Ладно, я пошла защиту заново ставить.

– Отлично. Хочешь, я покажу парочку из своих фокусов?

Весь остаток дня Буяна восстанавливала чародейскую защиту дома. Варлок, как и обещал, показал ей пару новых заклинаний. Ведьма искренне восхитилась и даже подумала, что теперь, даже если все полчища Нижнего мира прорвутся в город, этот дом падет последним.

Потом она допоздна просидела над амулетами. Восход же застал ведьму с чародеем уже в седлах. Накануне вечером девушка заслала мальчишку соседского к голове городских конюшен, чтобы наутро тот прислал ей лошадку. Она частенько одалживала у него коня за умеренную плату.

Кобылка оказалась прехорошенькая – тонконогая, изящная, резвая, норовистая, с черной шелковистой шкурой и длинной гривой. Белыми были лишь тонкая стрелка на носу и бабки. Веденя долго не мог налюбоваться на красавицу, «тонко» намекая хозяйке на расширение хозяйства.

Ведьмочка предпочла побыстрее ретироваться.

Сразу за стенами устроили бег наперегонки, но конь чародея значительно превосходил кобылку, так что после пары-тройки забегов лошади степенно побежали рядом, изредка перефыркиваясь. Ворону тоже понравилась черногривая красавица.

– Ты обещала рассказать мне, как перо жар-птицы добывала, – напомнил варлок.

– О! Это была презабавная история. Негероическая, правда. Но... такие ты нам будешь рассказывать.

Лихослав отвесил шутливый поклон.

– Мы с волхвом долго гадали, из чего такого амулеты на стены можно достаточно сильные сделать. Думали-думали. Придумали. Волхв у нас уже старый, да, впрочем, он и в молодости такие дела особо не любил, так что пришлось мне отправляться за перьями жар-птицы. Приехала я к царю жар-птицыну. Как добиралась – это тоже отдельная история. Их же, жар-птиц, целая стая. Чтоб тебе не соврать – не меньше сотни. И, как я поняла, все они девушки. А мужчина только один. Вот к нему-то, царю их, я и отправилась. Так и так, говорю, нужно князю моему славному, Ладимиру Мечеславовичу, что уж много лет Зареславой правит, пять перьев жар-птицы. Ну четыре на стены, а одно мне. Надергай, мол. Ну, конечно, не такими словами, но смысл верный. Он бает: мол, надергаю. Только ты сначала удиви меня. Покажи что-нибудь такое, чего я не видел. Озадачил он меня тогда. Чего он мог не видеть? Уверена я, что к нему на поклон из всех стран люди да нелюди приходили. К тому же знала, что шутковать царь любит. Даже если никогда не видел такой вещицы, соврет – скажет, что видел. И вещицу заберет, и перо не отдаст. Много ты перьев жар-птицы видел? Вот и я немного. Надо было как-то его прищучить. Думала я, думала. Да придумала. В назначенный срок пришла к жар-птицыну царю вновь и обратила его в добра молодца. Симпатичный такой получился. С шевелюрой огненно-рыжей. Аж златом пылала. А если шапкой закрыть, то и не догадается никто, что перед ним царь жар-птицын стоит. Говорю ему: иди, мол, сам, что хошь смотри. Он обрадовался. Он же до этого в землях человеческих почитай и не бывал. Только разве по тарелочке с голубой каемочкой глядел. А это разве сравнишь со взглядом живым? Вот и отправился он путешествовать. Я ему и говорю: иди смотри, а как насмотришься, так приходи за зельем обратным ко мне в Зареславу да перья – ровно пять штук – приноси.

– Подожди, – вклинился чародей в паузу в ее рассказе, – ты хочешь сказать, что это ты обратное зелье придумала?

– Я, – гордо улыбнулась ведьмочка.

– Ну ты молодец! Да какая же умница! Много раз твое зелье использовал – ни разу не подвело.

Девушка заулыбалась в ответ.

– Судя по перьям, пришел к тебе таки на поклон царь жар-птицын?

– Пришел, куда ему деться? И года не прошло. Злой, недовольный. Он-то привык к почитанию да восхвалению, а в городах людских никто незнакомому парню кланяться в ножки не

спешил. Так что нового да удивительного, хоть и не всегда приятного, он повидал немало, – хмыкнула она. – Но с тех пор зелье я ему регулярно готовлю. Он, слава богам, додумался с перьями в люди выходить. Так что теперь ему и там почет и уважение.

- Получается, в Зареславе больше перьев жар-птицы, чем в любом другом городе?
- Получается, так.
- Ну Буянушка, ну молодчина!

К Чудовой Чаще они подъехали уже далеко за полдень. Дорога вела дальше, к Малиновке. Чародей же решили свернуть пораньше.

– На конях-то проедем? – осторожно спросил варлок, с сомнением оглядывая казавшиеся совершенно непроходимыми заросли.

- Не сомневайся! Что мы себе, тропы не отыщем?
- Ты про тайные тропы?
- Ага. Не отставай.

Кони очень неодобрительно отнеслись к идее хозяев продираться через этакую чащобу. Ворон даже поругался по этому поводу с чародеем. Лихослав в конце концов не выдержал и пригрозил тому плетью. Жеребец расфыркался, недобро глянул на хохочущую ведьму и все-таки соизволил вперед двинуться.

– Не могу понять, как я до сих пор терплю твои выходки, – пробурчал варлок, вызвав еще один приступ неудержимого веселья у колдуньи. С трудом успокоившись, она вытерла с глаз слезы и довольно заметила:

– Я думала, что только я не могу со своими чудами совладать. Оказывается, это обще-магическая проблема.

Чародей окинул ее взглядом:

– Мы их любим. Они нас любят. Вот и вьем друг из друга веревки. Уступить любимым нестыдно. А порою и хочется.

Ведьмочка лишь покачала головой да тронула сапожками свою лошадку.

Скоро варлок почувствовал мягкий переход, и перед ними открылась тайная тропа. Путь по такой всегда примечательное событие. Все вокруг словно сливается – будто вид за окном во время сильного дождя. Да и расстояние, которое можно преодолеть за совсем небольшое время, было много больше, чем за то же время, что по обычной дорожке.

– Я к Бабушке-яге по-другому и не хожу. Потому как тут такое водится! Да и бурелом каких свет не видывал! Разве что лететь, но тоже приятного мало, потому, как я тебе скажу по секрету, тут половина зверья всякого еще и летает... или высоко прыгает.

– Неужто справиться с ними не можешь?

– Могу. Отчего ж не мочь-то? Да только... зачем? Это же не они мне в огород лезут, а я на их землю вторгаюсь.

К избушке Бабы-яги они вышли и часа не прошло.

– Ох, запыхалась совсем. Обожди чуток. Дай отдышаться.

– Надо было мне сказать, – попенял ей варлок. – Я бы ниточку перехватил.

– Упаси боги. Ты же куда идти не знаешь!

Лихослав уже и сам понял, что сморозил глупость. Тайные тропы тем и отличались от обычных, что ходить по ним мог не каждый. Проще всего пройти по ним – это связать силой чародейской две точки в реальном мире. Но для этого нужно было их знать. И чародею было прекрасно это известно, просто ему отчаянно хотелось во всем Буяне помочь. Показать свои знания и умения, поиграть силушкой молодецкой. Сам понимая, что это ребячество, он не мог удержаться, чтобы еще и еще раз не увидеть восхищение или благодарность в очах ее зеленых. Хотя порой и смешно выходило.

Пока его любушка переводила дух, варлок оглядывался. Лес как лес. Но ясно, что своими годами он превосходит все когда-либо виданные чародеем. Деревья вздымались высокие. И стволы несли на себе угрюмую печать веков. Даже качались и скрипели они как-то по-особенному, будто переговариваясь. Неудивительно, что о лесе шла дурная слава. Лихослав всем своим существом ощущал исходящую от того угрозу. Такие боры – древние и по-старчески сварливые – людей не любили. И изменений не терпели. Как кто-то отваживался жить среди них?

– Нам вот туда. – Девушка тронула заметно присмирившую лошадку.

– Ничего не вижу, – произнес варлок как раз в тот момент, как из-за деревьев вынырнула избушка махонькая. И вовсе даже без курьих ножек. Просто перекособоченная. Перед ней был разбит небольшой огородик. Травки колдовские Лихослав и отсюда опознал. Его более всего позабавили грабли, выполненные в виде двух лап вроде куриных. Когда люди подъехали, одна из них почесала другую. Чародей мужественно не вздрогнул.

Буяна спешила и привязала кобылку к изгороди, сплошняком сделанной из костей – не человеческих, и то ладно.

На крыше избы сидел искусно выполненный деревянный ворон. Варлок, впрочем, не сомневался, что это не просто украшение. А вот летучие мыши, гроздьями висящие вверх ногами во всех мыслимых и немыслимых местах, были живее некуда. Сейчас они спали, но при приближении людей одновременно открыли один глаз – почему-то левый, правда, тут же его закрыли, не проявив к пришельцам большого интереса: то ли узнали ведьму, то ли по причине общей меланхоличности. Скорее первое, так как, подойдя к дому, Буяна машинально почесала мохнатое брюшко одной из них. Та засмеялась-запищала от щекотки и ласково потерлась мордочкой об руку.

Над дверью висел коровий череп. Стоило людям ступить ближе, как его пустые глазницы загорелись красными огоньками.

– Да-да, идею у Бабушки-яги сперла, – покаялась колдунья. – Но мой Череп модернизи-ро-ван-ный! – Она подняла вверх пальчик. – Он не только говорит и открывает двери, но и выполняет еще кучу всего. Например, плюется в особо навязчивых посетителей. Иногда и кислотой, если сразу не поняли. Ягуша видела его, но от такого же отказалась, сказала, что это ан-ти-гу-ман-но.

Второй раз ведьма палец поднимать не стала, но вид у нее был довольный.

– Ну, дружок, дома хозяйка? – обратилась она к черепу.

– А ты думаешь, что коли была бы дома, то уже не вышла? – противным старушечьим голосом отвечивал тот.

Колдунья подбоченилась:

– Если зелье варила бы, могла и не выйти. А если настроение у нее плохое?

– Если настроение плохое, то и самим лучше не входить, – не удержался Череп.

Буяна пригрозила ему кулаком.

– Да нет ее, нет. Сказала, коли ты появишься, передать тебе, вертихвостке этакой, что она на дальние болота полетела и что на шабаше встретитесь. У нее какие-то вести для тебя есть. Сказала, тебе будет интересно.

– Больше ничего не сказала?

– И так с тебя хватит! – проворчал «привратник».

– Нахал! Вот пожалуй на тебя Ягуше! А еще лучше новый череп привезу ей в подарок на профессиональный ведьмовской день. Чтобы кислотой плевался!

– Ой! Да не сердись ты, Буяна Гориславовна! Я ж не со зла! – тут же испугался Череп.

– Смотри мне! Передашь Ягуше вот это. – Ведьма засунула несколько сплошь исписанных таинственными знаками берестяных грамоток под дверь. – Скажешь, что эти рисунки мы нашли...

Колдунья подробно рассказала всю историю, попросив хозяйку посмотреть и сказать, что думает, что ведаёт про такое.

Потом они с варлоком отправились в обратный путь, решив завернуть в Малиновку по пути. Через какое-то время выбрались на дорогу. Правда, ведьма тут же вновь нырнула в кусты, однако скоро появилась обратно.

– Амулет в порядке. Белозор явно поработал, – выдала она. – Ну поехали. Узнаем, как тут дела, и к ужину как раз в Зареславе будем.

В деревне им рассказали, что волхв до сегодняшнего утра возился с берегом, а потом отправился ловить пресловутую Коровью Смерть. Ведьму тут же взяли в оборот, уговорив на больного посмотреть. Варлоку тоже досталось. Уходя, Буяна кинула на него полный сочувствия взгляд. Сначала он не понял, к чему тот был, но потом чародей попал в лапы словоохотливого старосты, и желание, с которым ведьма бросилась за работу, мигом стало понятно. На Лихослава вывалили воз совершенно ненужных ему сведений: об урожае прошлогоднем, о странностях в погоде, о поселившейся в пруду новой ундине, о странных угуканьях и гиканьях из Чудовой Чащи. Более всего варлока, правда, заинтересовали якобы виденные чудища в доспехах и с оружием. По описанию они отдаленно походили на жителей Нижнего мира, но, признаться, под оное подходило все мало-мальски похожее на человека. Также волшебнику показалось необычным, что за последний месяц вблизи деревеньки прорезалось целых четыре новых источника, что вообще-то было делом не совсем обычным. Как чародей знал, такое случалось чаще всего, если вблизи творилась очень серьезная волшба. Однако необязательно. Лихослав даже прошелся к одному из них, но ничего подозрительного не обнаружил да и чародейства какого не почуял. Но хоть силу колдовскую подпитал водичкой родниковой, и то хлеб.

Наконец ведьма освободилась, и они, с превеликим трудом отвязавшись от старосты, тронулись в путь. Прибыли в город к вечеру. Дома ожидал их вкусный-превкусный ужин и гора заданий от Горыни. Буяна даже застонала. Активность воеводы можно было сравнить разве что с бурей-ураганом.

– Ты умеешь работать с «неводом»?

– С чем? – С утра Буяна, полночи просидевшая над амулетами дружинников и другими поручениями Горыни, была, мягко говоря, не в духе, равно как и при полном отсутствии мыслей и желания, чтобы оные появились.

– Невод. Заклинание такое... – Варлок замялся, подыскивая слова. – Как бы накидываешь на землю сеть, и она сама ищет магию.

– А! – Ведьма душераздирающе зевнула. Утро она могла считать удавшимся, только если оно начиналось ближе к обеду. – Знаю такое.

– Думаю, надо с ним пройтись по городу. – Лихослав предупредительно утянул у девушки из-под локтя миску с малиной. Еще чуть-чуть – и лететь ей на пол. А кто знает, успела бы заспанная колдунья применить чародейство и спасти и ягоды, и посуду?

– Как ты себе это представляешь? – Волшебница глянула хмуро. С утра этот взгляд особенно впечатляющим получался. – Тут на каждом мало-мальски денежном человеке по три-четыре амулета-оберега висит. Храмов много, капищ. Почти все дома заговорены – да хотя бы от грызунов. Не говоря уже о ворах и сырости.

– Можно же подправить заклинание. – Лихослав не желал расставаться с такой заманчивой идеей. – Что-нибудь вроде – на злой умысел.

– Проще сразу всех жителей в Разбойный приказ отправить.

– Да, жаль, мы не знаем, что такого могли провезти в город... – задумчиво протянул чародей.

– Ты не порылся по книгам – что там со знаками на стенах твоего дома несостоявшегося?

– Порылся. Но прояснилось немного. Связался по зеркалу с друзьями-чародеями. Они тоже обещали покопаться.

– Надеюсь, ты им не целиком записи показал?

– Обижаешь. Частично, конечно, осторожность никогда не бывает лишней. Да и говорил только с теми, кому доверяю... Слушай, а они – зеркала – у тебя все такие разговорчивые?

– Что, вопросами достали? – засмеялась красавица.

– Не то слово! Еле отбрехался. Что рожа недовольная? И что я тут делаю? Почему вышивка на рубахе такая, а не другая?!

– Ты с ними поостроже. А то на голову сядут. Самое страшное – это после веселья утром к ним подходить. Вот уж когда точно своего не упустят!

– Ни разу не сталкивался с такими любопытными... А насчет «невода» ты, пожалуй, неправ. Я подумаю, как его лучше сделать и попробую все-таки.

– Лады, – вновь не удержалась и зевнула Буяна. – А я пойду пройду до тех купцов, которым не посчастливилось проезжать в ворота, когда амулет был сломан. И постараюсь заодно узнать, кто раньше в доме твоём жил.

На том и расстались. Варлок за чашкой чая продолжил раздумывать над столь полюбившейся ему идеей, а ведьма, подхватив необходимые ей вещички, убежала по делам. Скоро из ворот и Лихослав вышел. Череп даже ни разу не нахамил ему, опасаясь, что тот в доме надолго, а судя по выглядевшей на диво счастливой хозяйке, то как бы и не навсегда.

До обеда оба исправно выполняли свои обязанности. Буяна поговорила с купцами, список которых передал ей Горыня. Но многого ей это не дало. Как она уже за годы практики убедилась, тайком в Зареславу, как, впрочем, и в любой другой город, ввозилось многое, так что совсем уж честных торговцев было не сыскать. Как ведьма, она могла отличить правду от кривды, но как понять, просто лишний кусок шелка они от поборов скрывают или что-то посерьезнее? А заклятие для того, чтобы лишь истину говорили, она не могла к каждому применять. Ведь такие заклятия – дело болезненное для обеих сторон, не говоря уж о том, что потом бед не оберешься. Купцы преотлично умели за себя постоять.

Да и по второму делу – относительно владельцев дома соседского – тоже успехи были небольшие. Никто так и не смог вспомнить, чей он был. Вернее, вспомнили многие, поэтому Буяна получила с полдюжины имен и еще больше страшных историй.

Под конец она не выдержала и напрямик отправилась в Городской приказ, в котором должны были сохраниться записи о прежних владельцах. Немалым преимуществом положения единственной городской ведьмы, да еще к которой князь благоволил, была та легкость, с которой ей удавалось решать всяческие вопросы без волокиты и различных препятствий. Правда, и тут колдунье сначала предложили написать запрос, объяснить причину и прочее, очень многое прочее, но стоило Буяне прошептать несколько слов о здоровье работников сего почтенного Приказа, как все ее просьбы были мгновенно удовлетворены.

Девушка узнала имена владельцев, но многим это ей не помогло, так как люди эти купили дом за месяц до вселения в соседний терем ведьмы, да, впрочем, как и следовало ожидать, давно уехали, а те, кто жил в том доме уже после, мало Буяну интересовали. Правда, потом один из дьяков припомнил, что те владельцы, что уехали, вроде как родня приходились... этого имени Буяна не знала, да и дьяк ей ничем помочь не мог. Но все же лучше, чем ничего. Найдет она этого... как его... Домжара.

С варлоком они столкнулись на главной площади. Вид у него тоже был не слишком довольный. Домой отправились вместе.

– Я все-таки придумал, как можно использовать заклинание. Не очень эффективно, но это лучшее на что хватило моей фантазии.

– Расскажи, – поинтересовалась колдунья.

– Ты, конечно, права, душа моя, в городе полно волшебства. Но вряд ли оно сильно уж разнообразно, подумал я...

Идея Лихослава состояла в следующем: перед его внутренним взором как бы вставала карта всего города, где огонечками мигало все каким-либо образом волшебное. Его заклинание было настроено так, что колдовство одного типа выглядело одинаково, – например, все обережное, будь то простой амулетик от сглаза или самый сложный заговор дома от татей, высвечивалось зеленым, все любовные привороты – красным, и так далее. Как только варлок распознавал, что за волшебство кроется под этим цветом, и если она его не интересовала, то он убирал с мысленно составленной карты эти огонечки. Лихославу пришлось сначала очень внимательно пройтись по всем улицам города – благо дворы сильно большими не были и можно было почуять колдовство, не входя в них, – и составить «карту», а потом еще раз, чтобы убрать все его не интересующее.

– Боги! – Буяна была поражена. – Это же огромная работа! И жутко кропотливая!

Колдунья смотрела на чародея широко распахнутыми глазами, в которых одновременно светились восхищение и ужас. То, что сделал варлок, казалось ей нереальным. До этого она сталкивалась с его волшебной силой, но это были детские игры по сравнению с этой работой. Впервые она на практике ощутила, как много значит опыт, удачно приложенный к намного превосходящей ее собственной мощи.

Именно в этот момент торжества Лихослава ведьма чуть не свалилась от столкновения с прохожей. Буяна отчаянно извинялась, потому как не заметить стоящую и никому не мешающую женщину было невозможно. Впрочем, инцидент был практически сразу исчерпан, так как оказалось, что та как раз ждала ведьму.

– Достопочтенная ведьма, тут такое дело... – Немолодая, явно из посадских, женщина отчего-то смущенно глянула на варлока. – Порчу на мою невестку навели.

Девушка вздохнула.

– Приходите завтра к вечеру со своей невесткой... Знаете, где я живу?

– Да как же не знать-то! – всплеснула руками та.

– Буду ждать.

Женщина, довольная, удалилась, а колдунья с чародеем отправились дальше.

– Твоя работа? – спросил варлок.

– Что? – не поняла Буяна.

– Ну ты порчу навела?

– Я?! Ты смеешься? Я порчу уже много лет не наводила.

– А что, в городе есть другие ведьмы? – удивился мужчина.

– Как порчу наводить, так они тут все ведьмы, а как снимать, так я одна, – в сердцах бросила кудесница, а Лихослав расхохотался.

– Ладно, хорош ржать, не конь. Рассказывай, что там у тебя с твоим «неводом» получилось. Что наловил?

– Ох... – пригорюнился варлок. – Наловил многого и разного. Теперь осталось отделить рыбу от водорослей и лягушек. Говоря нормальным языком, получилось, что неопознанного волшебства осталось еще очень много. Завтра этим займусь. Вот бы вместе. Потому как тебя больше знают, проще будет.

– Хорошо. Если не стрясется чего, помогу. Ты, кстати, не забыл, что нам сегодня на шабаш?

– Нет, конечно.

– Отоспаться бы, – мечтательно протянула ведьмочка, которой все еще аукалась почти бессонная ночь.

– Так за чем дело встало? Придем домой, ложись баиньки, а я встану на страже твоего покоя и буду отправлять всех доброхотов к... в общем, на другое время.

Идея красавице явно понравилась.

– Тебе одолжить метлу? – Буяна потянулась за сметаной и щедро плюхнула ее в борщ, подумала и добавила: – У меня есть запасная.

– Зачем? – Варлок недоуменно поднял брови, отправляя в рот полную ложку.

– А как ты собираешься лететь на шабаш? Я тебя на своей метле не повезу! Слишком ты тяжелый!

– Я и сам на метле не полечу!

– Почему? – опешила ведьма, даже оторвавшись от любимого ею кушанья.

– Я так умею.

– Да?

Варлоку пришлось тут же продемонстрировать оное умение, с помощью колдовства приподнявшись над лавкой. Колдунья поцокала языком.

– А не устанешь – лететь-то не ближний свет.

– А чему тут уставать? Часами могу кружить аки ястреб над добычей.

– Да? Странно. Я тоже так умею, но очень быстро устаю.

– А какой способ используешь?

Некоторое время они, даже забыв про борщ, обменивались заклинаниями и пробовали новые. К разочарованию варлока, Буяне действительно с огромным трудом давалось столь любимое им заклинание полета.

– У тебя просто направленность другая. Кстати, очень частое разделение между мужчинами и женщинами. Первые используют «полет», а вторым проще заговорить метлу.

– Я пробовала как-то в ступе летать. Как Баба-яга. Но... молода еще. Не получается.

– Да, в ступе удобнее, конечно. Но это умение с возрастом приходит.

Какое-то время за столом слышалось лишь сосредоточенное чавканье. Потом варлок оторвался от больно уж вкусного кушанья.

– Слушай, а ты, случаем, не хозяйка шабаша?

– Да ты что! Упасите боги!

– А что так? Ты же главная городская ведьма. Да и сила у тебя вон какая!

– Лихослав, ну какая разница, что я городская ведьма? Нечисть же собирается не в рамках княжества! Другое дело, что наше княжество такое, что его размеры практически совпадают с теми, что определил наш шабаш.¹³ А так и посильнее меня есть ведьмы, и поопытнее, что немаловажно. И потом, зачем мне этакая неприятность? Да и у нас хозяйка или хозяин шабаша – это больше условность.

– Да?

– Да. Ты же знаешь, что при любой власти, какая бы она вся из себя замечательная ни была, существует группа людей и нелюдей, конечно, тоже, которая на дух эту власть не переносит. Не от того, что что-то против нее имеет, а просто нрав таков. Мне кажется, что основная часть таких существ приходится на нечисть и нас – чародеев.

– Это точно, – засмеялся варлок. – Мы любую власть не терпим. Причем с обеих сторон.

– Ты имеешь в виду, что и власть – или лучше сказать, власть имущие, – нас тоже?

– Скорее то, что мы не любим, когда над нами властвуют, но и сами властвовать не любим.

Любая власть – это несвобода. И для холопа, и для господина.

– Не все понимают вторую часть.

---

¹³ Народы, племена, роды и прочие, родственные друг другу и для простоты называемые славянскими, обычно объединены в княжества. А поскольку те созданы по самому разумному в данной ситуации принципу – территориальному, то шабаша на Лысой Горе обычно собирают всех магически одаренных с одного княжества, хотя это не правило – бывает, на шабаше собираются подданные двух или трех княжеств, бывает, что и в одном княжестве устраивают несколько шабашей, но все же, как правило, «география» участников шабашей совпадает с «географией» княжества.

– Не все, – согласился чародей. – А как Милана будет до шабаша добираться?

– Она сегодня не полетит. – Буяна огорченно прикусила губу, потом подумала и положила еще сметаны в тарелку. – Мы решили, что надо, чтобы хоть один из чародеев был в городе. Пока не найдем того, кто испортил амулет... Или пока не исчезнет опасность. Но... подозреваю, что дело вовсе не в этом. – Ведьмочка хитро прищурилась.

– У Миланы есть тайный дыхатель? – заинтересовался варлок.

– Не знаю. Но щеки у нее отчего-то горели. – Колдунья потянулась за хлебом, но так и застыла. – Я вот тут подумала...

– Да? – Лихослав даже отложил ложку.

– А не связано ли нежелание Миланы лететь на шабаш с тем, что сегодня вернулся княжич из пути дальнего?

– Княжич? – Варлок задумался. – А князь не против... ну что Милана и княжич?

– Ну, во-первых, это может быть и не княжич, а кто-то из его дружины... Но... – Буяна пожалала плечами. – Если это княжич, то я уверена, что князь – главный создатель этого представления.

– Думаешь?

– Уверена. – Ведьма посмотрела на ожидающего продолжения мужчину. – Понимаешь, наш князюшка... тот еще хитрец. Обычно говорят – мудрый. Но я бы сказала – умеющий просчитывать. Может, это и есть мудрость? Не знаю. Но я знаю, как хорошо наш князь умеет подбирать людей. Посмотри на Горыню. Лучше воеводы не найти. Он и умный, и воин хороший, и организатор, и активный. И – что не менее важно – он к власти не рвется. С его стороны можно не ожидать ножа в спину. Правда, было забавно, когда старший Горынин сын по уши влюбился в одну из княжон. Я, признаться, тогда струхнула: что будет? Так что ты думаешь – князь отдал ее в жены сыну своего воеводы. И могу тебе сказать, что все воины в Ладимира чуть ли не влюблены. А с княжичем там вообще ситуация премилая. Он наследник. И кого ему в жены подбирать? Ладимир Мечеславович очень не хочет, чтобы это была какая-нибудь девушка из чужого княжества. Династические браки вообще приняты, но князюшка их не одобряет, хотя сам он именно так и был женат.

– Может, намучился за всю жизнь, вот и не одобряет?

– Да нет, насколько я помню, он смог сделать так, чтобы княгиня стала его другом и помощником. И когда она ушла Вслед За Предками, его это сильно подкосило. Хотя Ладимир так и не смог полюбить ее как женщину. Насколько я поняла из его высказываний, он не считает, что подобные браки решают свою задачу – мира они не укрепляют. А зачем ему тогда чужачка под боком? Да еще, не дай боги, блюдущая интересы своей – настоящей – семьи. А за кого тогда? Ситуация с боярами его вполне устраивает, он не хочет ни их дальнейшего возвышения, ни возвышения одной из семей. Вот и думай, кого выбрать любимому сыну в жены.

Ведьмочка игриво улыбнулась и принялась убирать тарелки со стола. Варлок залюбовался, глядя на ее ладную фигурку и длинные распущенные волосы. Когда они поженятся, решил Лихослав, он настоит, чтобы она не закрывала их, как положено замужним женщинам. «Впрочем, – тут же подумал чародей, – вряд ли она и сама их закроет». Даже настаивай он на этом. Мужчина довольно и совершенно счастливо улыбнулся. «Знала бы она, о чем я сейчас думаю, – лететь мне отсюда с пинком для ускорения».

– Я бы укрепил подобным браком военную часть – и чародейскую, и жреческую. Поскольку как-то само получилось, что одну из дочерей он уже отдал в жены в воинскую среду, остаются маги и жрецы. А скажи мне, краса, есть ли среди славных божьих служителей дочери на выданье?

– Что-то не припомню, – в тон ему произнесла колдунья.

– Значит, остаетесь вы с Миланой. – Улыбаться что-то расхотелось. – И что, тебе не хочется быть княжной, а потом и княгиней?

Девушка присела на лавку и задумчиво помешала чай.

– Как тебе сказать... заманчиво, конечно. Но... не подхожу я на эту роль. Полагаю также, князь считает, что юный княжич со мной просто не справится.

– Возможно. – Чародей сдвинул брови. – Но как ТЫ к этому относишься? ТЫ хочешь быть княгиней?

– Лихослав, – ведьма раздраженно бросила ложку на стол, – неужели ты думаешь, что что-то могло бы встать на моем пути, если бы я захотела? Да если бы я жаждала власти, я бы и князя приворожила, не постеснялась. И своих наследников родила, а княжича быстренько бы отвадила от власти. Много тому способов есть. Могла и сама править, когда князь уйдет Вслед За Предками. Но... Лихослав, зачем? Я ведьма, варлок. Ведьма. И мне это нравится.

– То есть тебе нравится быть просто ведьмой?

– Да. Нравится, как живу. Нравится то, чем занимаюсь. Нравится сама магия. Я довольна ВСЕМ в своей жизни. И если отнять хоть что-то, будет только хуже. А все эти скучные дела, которыми приходится заниматься правителю, церемонии там, суды, переговоры с послами, интриги... фи, не-э, это не по мне. Они только отнимают время и удовольствие от самой жизни.

– Серьезно... – Варлок немного поколебался. – А как насчет что-то добавить в свою жизнь... слишком сильно ее не меняя?

Буяна внимательно посмотрела на чародея.

– Я пошла одеваться к шабашу. – Она встала.

– Ты не ответила на мой вопрос! – Голос догнал ее уже у лестницы.

Она резко повернулась.

– На подобные вопросы не отвечаю. Вот когда надо будет решать вопрос с этим «чем-то», вот тогда и буду думать, – чуть резче, чем хотела, ответила она и, демонстративно повернувшись спиной, поставила в разговоре жирную точку.

Когда варлок увидел то, в чем ведьма собралась на шабаш, слов у него не осталось, одни эмоции. Буяна, и до этого времени весьма свободная в одежде, на этот раз превзошла саму себя. Столь нравящиеся чародею плечи были обнажены, чему он не мог не порадоваться, но более чем глубокий вырез рубахи заставил Лихослава крепко задуматься – не придется ли ему перебить всю мужскую часть шабаша, лишь бы они туда не пялились. К слову сказать, раньше он не замечал за собой такой горячности.

Девушка спорхнула – иначе и не скажешь – с лестницы и закружилась. Юбка проделала тот же маневр, и стало ясно, что это просто широко порезанные полоски ткани и кожи. При движении все это двигалось так, что еле прикрыты оказывались лишь бедра.

Ко всему прочему, все это было еще и любимого ведьмой черного цвета. Голые руки перехватывали браслеты. К поясу были прикреплены амулеты и почти миниатюрный – явно ритуальный – нож. По традиции девушка была без обуви.

Роскошные черные волосы совершенно неуправляемой волной плескались за плечами. Варлоку захотелось взвить, схватить ее в объятия и уже ни на какой шабаш не лететь.

– Как я выгляжу? – заливисто хохоча, задала Буяна самый главный женский вопрос.

Варлок произнес несколько слов. Этого хватило.

Ведьма захохотала пуще прежнего. Потом щелкнула пальцами, и метла сама прыгнула ей в руки. Лихослав тоже выглядел так, что Буяна могла повторить его же слова.

– Сумерки уже спустились. Пора отправляться. Традиционно начинают к полуночи. Но народ весь собирается заранее. Как раз то, что нам надо.

Последние слова ведьма говорила уже в полете. Оба чародея покинули дом через окно. Поднявшись на высоту княжьего терема, они сделали круг почета над двором и помчались на север.

На шабаш.

На Лысую Гору.

Местная Лысая Гора находилась в самом сердце Чудовой Чащи. Довольно удобно. По крайней мере, никто любопытный не подберется. В других княжествах нечисть и причисляемые к ней ведьмы уже замучились откачивать всяких не в меру дурных селян, рискнувших на свой страх и риск поглядеть, что же такое там происходит.

На взгляд и довольно пристрастное мнение Буяны, ничего «такого» уж точно не происходило. Разве что компания собиралась интересная. Но это с непривычки, а так обычный набор. Лешие, конечно, куда без них. Вокруг леса, почитай, везде, так что их хозяев с женами, детьми и прочими приبلудными вроде моховиков и кикимор просто ужас сколько. Водяные тоже обильно представлены. Русалки с ними. Полевика, луговики, полудницы, анчутки, ауки, болотняки, чудинки, вии, мавки, коловертыши, берегини. Обратни всех видов. Ведьмы, колдуны, волхвы, травники и знахарки. Кого тут только не было. Все это ходило, скакало, летало, бегало, прыгало, ползало, перемещалось «колодцем» – в общем, двигалось, создавая впечатление общей активности. Кто-то кричал, кто-то шептал, шипел, разговаривал, заклинал, смеялся, попискивал, орал песни. Постоянно что-то падало, громыhalo, булькало и взрывалось. Откуда-то с разных сторон шла музыка, причем разная, но удивительно сочетавшаяся друг с другом и всем происходящим.

Ведмочка с ходу вписалась в толпу и тут же набросилась на кого-то с приветствиями. Варлок мигом оказался в водовороте событий. Казалось, его даму знают здесь все, и каждому ну просто необходимо с ней поздороваться, поцеловать, обнять, обменяться последними сплетнями, а то и просто хлопнуть по плечу и проорать на ухо: «Как жизнь, старушка?!» – чтобы тут же получить кулак под ребро и заржать в голос. Лихослава тут же представляли всем подошедшим. Это был его не первый шабаш, так что он даже не пытался запоминать имена и лица, смеялся со всеми, благо с чувством юмора у всех проблем не было (трудно быть нечистой и не иметь чувство юмора), пил что наливали, пожимал руки тем, кто протягивал свою для приветствия. И крепко держал за талию ведьму. Она не противилась, то ли и в правду не хотела, чтобы он случайно потерялся в толпе, то ли ей это просто нравилось, то ли потому, что нравы здесь царили более чем свободные. Кто-то целовался, кто-то лапал даму или кавалера, а кто-то и вообще... не при детях будь сказано. Но почему-то все это смотрелось и воспринималось нормально. Шабаш все-таки.

Вот все почувствовали наступление полночи. На высокий пенек влезла какая-то ведьма, уже в годах, но сочная и аппетитная, громко объявила о начале шабаша и потребовала разливать. В любом месте, где бы гулянка нечисти ни проходила, всегда был какой-то один главный напиток. Вернее, пили все что было – а было всегда немало. Но один считался главным. В каждой местности свой. Единственным всегда сохраняющимся во всех «зельях» компонентом была кровь. Кровь вообще вещь магическая. Половина заклятий на ней построено. Несмотря на множество самых разных слухов, жертв на обычных шабашах не приносили. По крайней мере человеческих или какого другого разумного существа.

После слов ведьмы все, как один, повернулись к огромным дымящимся котлам, и зелье как по приказу взбурлило. Какой-то рогатый, носатый тип взобрался повыше, торжественно выудил из-за пазухи бутылку мутного стекла. Откупорил, вдохнул запах напоказ и вылил ее содержимое в котел. Воздух задрожал от криков.

И наконец «зелье» пошло по чаркам.

Варлок и ведьма тоже получили свою порцию. Лихослав пригубил и чуть не замурлыкал от удовольствия: сила прямо-таки полилась внутрь. Кровь закипела. Стало весело и жутко захотелось танцевать и чудить. Словно по заказу со всех сторон грянула музыка – на этот раз одинаковая. Народ радостно взревел, узнав знаменитую на весь мир плясовую.

Чародей глянул на свою колдунью. По ее лицу блуждала блаженная улыбка. Подхватил ее за талию и подбросил в воздух. Буяна счастливо завизжала. Варлок поймал ее, прижал к себе, крепко чмокнул в уста сладкие, и они помчались в круг танцующих.

Эх, хорошо было. Плясать, подпрыгивая, сжимая в хороводе руки соседей, то и дело подхватывая в танце возлюбленную за талию, дурачиться и веселиться. Просто веселиться, урывая у жизни эту невинную радость, это яркое как пламя мгновение. Кусочек простого счастья.

Хмельные напитки речкой полноводной лились во вновь и вновь подставляемые чаши, кубки и братины. Все это тут же отправлялось в бездонные глотки, и круг повторялся.

В какой-то момент Лихослав подумал, что больше не может терпеть. Он покрепче обхватил ведьму за талию и увлек в лес. Далеко они не пошли. Варлок прижал Буяну к дереву – старому и не такое выдавшему.

Положил тяжелую ладонь ей на затылок и заглянул в зеленые марева глаз. В них туманился хмель и дрожало пламя. Но не от костра.

Варлок с силой прижался к ее губам, прекрасно понимая, что за этот дар ему вовеки не расплатиться. Девушка в его объятиях выдохнула и обвила руками его шею.

Он оторвался, только когда дыхания перестало хватать. Закинул голову, пытаясь справиться с охватившими его эмоциями. Через миг, которого хватило, только чтобы заметить яркую, сводящую с ума луну на небосводе, он вновь посмотрел на девушку и сказал то, что давно решил сказать:

– Выходи за меня.

Но уже произнося последнее слово, он увидел, как заledenел от ужаса взгляд колдуньи. На счастье, варлок успел проследить, куда она смотрит, до того как боль кольнула сердце. В то же мгновение он укрыл их обоих невидимостью.

В паре десятков шагов от них стояло... существо. Более всего в его внешности поражала морда, иначе не скажешь, – чуть выдвинутая вперед и заостренная. Под тяжелыми бровями сверкали злостью длинные раскосые глаза. Желтые, весьма внушительного вида клыки вылезали на губы сверху и снизу. Черные жесткие волосы переходили на спине в шерсть. Лапы были похожи на человеческие, только куда больше и темного, под цвет шерсти, цвета. Стояла тварь на двух ногах, но ступни – длиннее людских – на пальцах имели когти на манер звериных.

Но Буяну привело в такой ужас не это – что она, уродцев в своей жизни не видела? – да и потом, чтобы ведьма испугалась чудища! От существа исходила такая злость, с которой девушке сталкиваться еще не приходилось. Это существо не хотело получить власть или забрать что-то ценное. Оно хотело только одного – убивать. А еще – причинять боль. Как можно большую. Волна ненависти без предупреждения ударила по открытому сознанию колдуньи. С таким количеством ярости, злобы и жестокости ведьме сталкиваться еще не приходилось.

Существо жадным, голодным взглядом смотрело за веселящимся шабашем. На морде отчетливо читалось желание ворваться туда и порвать всех клыками и когтями.

Но вот из хоровода вывалились две отчаянно шатающиеся фигуры и направились в лес. Тварь облизнулась.

Лихослав буквально физически ощутил, как Буяна пришла в себя. Он понял, что ведьма уже готова отправить в бой какое-нибудь смертоносное заклятие. Пьяная парочка приближалась. Существо дернуло башкой и отступило дальше в лес.

Колдунья дернулась вслед, но варлок удержал ее.

– Он ушел, – сказал Лихослав в ответ на недоуменный взгляд Буяны.

– Точно? – Ведьма прислушалась к ощущениям. Существо действительно было уже далеко от шабаша. – Ты понял, кто это был?

– Это как раз житель Нижнего мира.

– Ты уже видел их? – В голосе девушки прорезались истеричные нотки.

– Нет, – мотнул головой мужчина. – Только на картинках да читал описание.

Буяна внимательно посмотрела ему в глаза. Потом опустила голову и хрипло произнесла:

– Я такого ни разу не ощущала. Боги, – всхлипнула она. Но тут же взяла себя в руки: – Надо сделать рисунок, и пусть Горыня покажет всем своим дружинникам. Потому как коли меня так проняло, то что уж говорить о них? Они, конечно, ребята крепкие, но даже пару мгновений замешательства в бою могут привести...

– Тебя проняло не из-за вида, Буяна, – прервал ее варлок. – Ты просто ощутила всю суть этой дряни. Обычные люди этого не почувствуют. По крайней мере не в такой степени.

Колдунья помолчала.

– Ты прав. – В расстройстве она выбралась из его объятий и уселась на землю под деревом. – Я просто никогда не думала, что возможна вот такая вот беспричинная злоба. Ведь... ведь... как бы ни было жестоко преступление, всегда у него есть причина. Убивают за власть, за деньги, от ревности, с отчаяния. Пусть даже ради развлечения. Но вот просто так... от желания убить, причинить боль... Ты когда-нибудь что-то подобное видел?

Что варлок видел отчетливо, так это пусть и не истерику, но очень близкое к ней состояние красавицы.

– Да, милая, видел. В чем-то ты права – всегда есть причина. Но истина такова, что порой эти причины призваны, просто чтобы набрасывать покрывала на действительную причину. А именно – желание быть жестоким. Я столкнулся с этим, когда путешествовал на жаркий юг или, лучше сказать, юго-восток. Там так часто убивают за какие-то порой непонятные идеи... Там так развиты все эти понятия: честь рода, защита религии, плата кровью за оскорбление... У нас это тоже есть... Но у нас это призвано останавливать преступления, а у них... оправдывать жестокость. Я пытался их понять... понять, чего ради все это... Но у нас с ними слишком разные понятия о жизни. Понимаешь, краса, они... ее не ценят. И прежде всего чужую жизнь. Не ценят. Мы считаем, что жизнь – это бесценный дар, и чтобы ее отнять у других или у себя... надо очень серьезно подумать, иметь очень вескую причину. А они... так не считают. У них нет этой перегородки в сознании. Они еще могут задуматься, если речь идет о ком-то из их рода, их религии. Но... опять же. Если он твоей религии, то другого течения. Если твоего народа, то другой его ветви. Если он живет в одном городе, то из другого рода. У них полно этих границ, тоже призванных оправдывать жестокость. Конечно, не все такие. Но их много. И хуже всего, что эти люди свято убеждены в своей правоте. У них такие обычаи. Эти обычаи позволяют им не думать. И все, что ценно для нас, им чуждо. А быть щепетильными они не собираются. Не такой, – значит, смерть. А вот эти существа... что мы видели, они вообще не собираются думать. У них нет морали и правил. Есть лишь голод и элементарные знания о способах выживания. И это не стоит твоих переживаний. Отнесись к этому... да никак к ним не относись. Они просто требуют уничтожения, так как пришли к нам с войной, не помышляя о мире.

Девушка опустила голову:

– Мы будем его ловить?

– В Чудовой Чаще? Да зачем? Более того – если пропадет одно из этих существ, вполне вероятно, что их командиры могут забеспокоиться. Пока нам на руку играет то, что они думают, что о них не знают.

– Думаешь, их логово здесь? В Чудовой Чаще?

– Очень похоже, – кивнул варлок. – Как они сюда попали?

– Не представляю...

– Подумай, милая... ты должна знать ответ.

Вдруг рядом послышался шум, и на них вывалилась... Баба-яга. Лихослав не был знаком с ней лично, но узнал сразу же. С виду странная, чуточку даже неопрятная старуха, она поражала ощущением силы и внутренней гармонии, исходящим от нее. Так могла выглядеть

гроза, решившая подшутить над людьми и спрятавшаяся в человеческом теле. Ведь никто не усомнится, что гром и молнии – это явление нечуждое природе, а нрав у нее ой какой крутой. Однако мы радуемся грозе как дети.

– Вот вы где... голубки, – ехидно усмехнулась она.

Буяна взвизгнула и повисла у нее на шее, тут же выпалив ей все новости, переживания, заодно представляя чародея и описывая его как такового. Лихослав обалдело смотрел на все это и не мог понять, как что-то можно разобрать в путанице рассказов, впечатлений и эмоций. Однако по всему выходило, что Яге это не впервой. Да судя по периодически задаваемым вопросам, с пониманием у старой колдуньи проблем не возникало.

– Понятно, мила, – подвела итог Яга, когда Буяна наконец замолчала. – Могу только сказать тебе, девонька, и тебе, молодец, что не зря вы переполошились. Вокруг и правда что-то происходит. Но по порядку, а то, я вижу, ты, варлок, совсем запутался в наших, девичьих, – бабка хихикнула, комментируя последнее слово, – разговорах. Ну что ж... посмотрела я писульки, которые вы с дома того странного срисовали. Что это, я вам, голубки, сказать не могу. А вот что за колдовство – то мне понятно. Когда-то в бурной молодости крутила я хвостом перед Кощеем. Коим теперь детей на ночь пугают.

– Правда? С Кощеем Бессмертным?! – аж подпрыгнула ведьмочка.

– Ох счастье ты мое ненаглядное, – зашла в смехе-кашле старушенция. – Ты что же думаешь, что мы, чародеи да ведьмы, лыком шиты? Не, мила, я тебе вот что скажу – каждый из нас свой путь ищет, свою жизнь проживает, с людьми, судьбой сужденными, встречается. А уж что из этого получается... не мне тебе рассказывать. Вот Кощеюшка всегда бессмертие искал, за то Бессмертным и прозывается. А байку про иголку в яйце, яйцо в утке, утка в зайце и тому подобное, так ту байку один из приятелей наших пустил – Ворон Воронович. А Сокол Соколович подхватил да по миру разнес. Вот уж кому по голове настучать надобно. А сказки... они всегда... забавные получаются. Вон и про меня всякое рассказывают. И про тебя, мила, будут. Уж поверь мне. И хорошо, что будут. Память – это дело хорошее, забвение хуже. Хотя ничто не пропадает без следа. Ну так вот... про знаки эти поганые. Помню, Кощеюшка такими же баловался, когда свою силу искал. Пару знаков я узнала. И тут же с Кощеем связалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.